

2-я годъ изданія.

0271

СѢВЕРНЫЙ ГУСЛЯРЪ

**Еженедѣльникъ молодой надпартій-
ной интеллигенціи**

№ 4.

Вся чистая прибыль идетъ
въ пользу семей павшихъ
въ бою воиновъ.

ПЕТРОГРАДЪ.

10 коп.

продолжается подписка на 1915 г.
на торгово-промышленную, общественную и литературную газету
„ВЪСТНИКЪ РЫБИНСКОЙ БИРЖИ“
(Издание Рыбинскаго Биржевого Комитета).
(годъ четырнадцатый).

Газета выходитъ ежедневно, кромѣ дней послѣпраздничныхъ.

„Вѣстникъ Рыбинской Биржи“ ставитъ на первомъ планѣ сообщеніе фактовъ и разработку вопросовъ промышленности и торговли, и въ этомъ отношеніи удѣляетъ преимущественное вниманіе торгово-промышленной жизни на Волгѣ и ея притокахъ, причемъ вопросы хлѣбной торговли въ этомъ районѣ занимаютъ въ газетѣ первенствующее мѣсто. О хлѣбныхъ цѣнахъ помѣщаются спеціальныя телеграммы Петроградскаго Агентства и кромѣ того сообщенія собственныхъ корреспондентовъ, а также биржевыхъ комитетовъ и земскихъ управъ. При этомъ обращено особое вниманіе на ежедневную регистрацію хлѣбныхъ сдѣлокъ на биржѣ. Въ виду важности водныхъ путей для торговыхъ оборотовъ на Рыбинской биржѣ, „Вѣстникъ“ имѣетъ особый отдѣлъ постоянныхъ, въ течение навигаціи, сообщеній объ условіяхъ судоходства на Волгѣ, ея притокамъ и Мариинской системѣ. Разнообразный по своимъ политическимъ воззрѣніямъ составъ Биржевого Об-ва вынуждаетъ имѣть безпартийный органъ, въ виду чего „Вѣстникъ Биржи“ совсѣмъ отказался отъ партийной политики, но при этомъ онъ обязательно будетъ отзываться на всѣ выдающіяся явленія государственной и общественной жизни, а также на важнѣйшія событія въ международныхъ отношеніяхъ. Подписная цѣна безъ доставки 6 руб. въ годъ. Съ доставкой въ Рыбинскъ: на годъ 7 р., на 6 мѣсяцевъ 3 р. 75 к., на 3 мѣсяца 1 р. 90 к., на 1 мѣсяць 65 к. Съ пересылкою иногороднимъ: на годъ 8 р., на 6 мѣсяцевъ 4 р. 50 к., на 3 мѣсяца 2 р. 30 к., на 1 мѣсяць 85 к. Г.г. иногородне члены Рыбинскаго Биржевого Общества, подписавшіеся на газету „Вѣстникъ Рыбинской Биржи“ срокомъ на годъ, платятъ только 6 рублей съ доставкой и пересылкою, а проживающіе въ г. Рыбинскѣ 5 рублей. Плата за объявленія: на 1-й страницѣ 20 коп., на 4-й страницѣ 10 коп. за строку петита. За объявленія на продолжительные сроки и сезонныя, а также по спросу и предложенію труда плата по соглашенію. Въ виду того интереса, какой представляютъ разсматривающіеся въ данное время очередные вопросы о постройкѣ открытаго затона, элеватора и о выпрямленіи лѣваго берега р. Волги противъ Рыбинска, редакціей изданъ планъ г. Рыбинска съ видами города. Цѣна плана въ отдѣльной продажѣ 1 руб., для подписчиковъ 40 коп., съ пересылкою 50 коп. Подписка и объявленія принимаются въ конторѣ редакция, г. Рыбинскъ, зданіе Биржи.

Редакторъ *И. П. Виноградовъ.*

Открыта подписка на 1915 г. на
ежемесячный сельскохозяйственный журналъ
„ВЪСТНИКЪ“
Псковскаго общества сельскаго хозяйства
4-й годъ изданія.

Въ задачи журнала, главнымъ образомъ, входитъ распространеніе въ общедоступной формѣ сельско-хозяйственныхъ знаній въ средѣ мелкихъ хозяевъ—крестьянъ и хуторянъ—и ихъ ознакомленіе съ дѣятельностью правительства и земства и съ тѣми общественно-экономическими условіями, въ зависимости отъ которыхъ складывается жизнь и дѣятельность сельскаго хозяина. Россія велика, условія ея жизни, климата, почвы и т. д. чрезвычайно разнообразны, и совѣты, пригодные для юга Россіи, совершенно не будутъ подходить для сѣверной полосы Россіи и на оборотъ. Въ вѣстникѣ будутъ печататься статьи, преимущественно имѣющія мѣстное значеніе и въ частности пригодныя для сѣвернаго района. Всѣ печатаемые статьи будутъ освѣщены съ точки зрѣнія данныхъ естественно—историческихъ условій, основанныхъ на выводахъ опытно показательныхъ учреждений, а также провѣренныхъ самими хозяевами и носящихъ чисто практической характеръ. Наряду со статьями спеціальнаго характера, обнимающими технику и организацію сельскаго хозяйства, редакция большое вниманіе удѣлитъ и вопросамъ экономическаго характера. Особое вниманіе будетъ удѣлено кооперации. Съ этою цѣлью въ постоянномъ отдѣлѣ будутъ печататься отчеты о дѣятельности мѣстныхъ сельско-хозяйственныхъ обществъ, кредитныхъ и потребительныхъ товариществъ и т. д. Зная, что у мѣстныхъ сельскихъ хозяевъ и крестьянъ есть много такихъ въ ихъ жизни дѣлъ, въ коихъ они не знаютъ, какъ поступить и у кого спросить совѣта, Редакция предлагаетъ всѣмъ подписчикамъ „Вѣстника“ присылать ему свои вопросы по тѣмъ или другимъ интересующимъ ихъ дѣламъ. Совѣты свѣдущихъ лицъ на эти вопросы будутъ печататься безъ промедленія. Такъ какъ „Вѣстникъ Общества Сельскаго Хозяйства“ не является коммерческимъ предпріятіемъ, а издается исключительно съ цѣлью содѣйствовать улучшенію мѣстнаго сельскаго хозяйства, и Общество, съ своей стороны, на изданіе журнала затрачиваетъ значительныя средства, цѣна установлена всего лишь 1 руб. за годъ или 50 коп. за 1/2 года съ пересылкой. Подписныя деньги слѣдуетъ выслать въ г. Псковъ, на имя Псковскаго Общества Сельскаго хозяйства, Новгородская ул., д. Граудумъ (можно и почтовыми марками). Для общенія подписчиковъ между собою, въ Вѣстникѣ открытъ отдѣлъ „Спросъ и Предложеніе“, въ коемъ каждый подписчикъ имѣетъ право помѣстить свое извѣщеніе, предложеніе или спросъ чего нибудь, размѣромъ въ 10 строкъ, одинъ разъ, безплатно. Мѣстные кооперативы журналъ получаютъ бесплатно, а также и всѣ члены Общества, уплатившіе свои членскіе взносы 1 руб. въ годъ.

Редакторъ, Предсѣдатель Общества *А. А. Малаховскій.*
Секретарь редакция, Ст. инструкторъ по С. Х. части *Ф. П. Казекъ.*

Редакция проситъ нуждающихся т. т.—студентовъ и курсистокъ вступать въ число продавцовъ журнала. Объ условіяхъ справиться въ редакціи отъ
5—9 ч. вечера.

Съвержый Тусляръ

0971

Адресъ конторы и редакціи: Петрогр. Стор. Б. Зеленина, д. 8, кв. 20. Контора открыта ежедневно съ 5 до 9 ч. веч. Редакція—отъ 6 до 8 час. веч. Тел. 530-66.

№ 4.

2-й годъ изданія.

16 Февраля 1915 г.

СОДЕРЖАНІЕ: Богъ нашего времени, И. Лебединова.—Современная любовь, П. Римуса.—Три пѣсни (стих.), В. Яшина.—Я и ты въ тѣняхъ и онъ въ маскѣ, А. Туфанова. Режиссеръ, (басня) А. Стрѣшнева.—Вавилинъ дворъ, Евг. Козлова. Баллада о двухъ врагахъ, А. Туфанова.—Келья матери Досиеви Е. Коровиной.—Нынѣ отпущаеши, *Silentium*.—Жизнь высшей школы—.

Богъ нашего времени.

И. Лебединовъ.

Большинство! Вы, вѣдь всё знаете этого прекраснаго, толстаго идола? Его дуновеніе обвиняетъ теперь всё уголки земли—и нѣтъ мѣста, гдѣ-бы оно не царило и не повелѣвало. Его физиономію вы увидите вездѣ и во всемъ... даже въ камняхъ... Затылокъ у него толстый, воловій, а брюшко имѣетъ тенденцію пухнуть... Богъ оно идетъ по улицѣ и стучитъ тросточкой. Оно шагаетъ увѣсисто и спокойно и никогда не сомнѣвается въ своей правотѣ. У него въ карманѣ всегда готовыя опредѣленія и оно любитъ накладывать ихъ на все, что только попадется на

глазъ... Да будетъ такъ! говорить оно—и всё покорно обнажаютъ передъ нимъ головы и поютъ хвалебные гимны... За нимъ бредетъ толпа служителей и жрецовъ, которые зовутъ каждаго послужить ему... Таковъ новый богъ, во славу котораго поются обѣдни и которому такъ радостно и лестно привести себя въ жертву.

... Въ большинствѣ всё найдутъ успокоеніе, всё, кто усталъ стремиться, кто не можетъ и боится отвѣчать самъ за свои поступки... Зачѣмъ искать и мучиться? Имѣетъ-ли жизнь цѣнность или не имѣетъ? Зачѣмъ задавать вопросы

и терзаться, не находя отвѣта на нихъ?... Имѣется большинство, а у него на все готовый отвѣтъ... На любой конвертъ марку прилѣпить.

Вы совершаете, скажемъ, убійство, и если вы не поклонились большинству, и не служите ему—вамъ придется взять это дѣло на свою отвѣтственность, на свою совѣсть... вамъ, самому нужно судить себя и судить строго и справедливо... Сколько возни, сколько хлопотъ... да вы можете поблѣтъ въ одну ночь! То-ли дѣло, если вы преклонитесь передъ большинствомъ, перестанете быть самимъ собою, быть „эгонстомъ“ и индивидуалистомъ и превратитесь только въ „члена“. Всякая забота, всякая отвѣтственность отпадаетъ, сваливается съ вашихъ плечъ, отиѣтается подобно мякину отъ зерна... Вы можете смотреть на весь миръ такъ-же невинно, какъ младенецъ. Я что-жъ... Я—какъ всѣ и баста, и не одинъ червячокъ не заползетъ въ вашу душу.

Вообще чрезвычайно приятно поступать, какъ поступаютъ всѣ. И увѣренность въ себя появляется, и олимпийское спокойствіе и величіе... Со стороны глядя пожалуй и не огляните, что это не человекъ, а „членъ“.. Ляжешь спать—псны святые приятные: слава Богу, ничего „преступнаго“ я не совершилъ—и цѣлуешь жену, какъ и подобаешь хорошему обывателю и добропорядочному члену.

... А какъ хорошо и удобно мыслить съ позволения и одобренія большинства! Думай себя и пиши безъ всякой записки... И пишешь, и мыслишь,—и такъ это хорошо и гладко: точно по ровной и торной дорожкѣ телѣжку катишь... Написалъ и знаешь: опредѣленное количество хлопковъ уготовано, лавры въ магазинѣ имѣются, да и теплое мѣстечко на прамѣтъ есть... Сразу и безъ особыхъ усилій можно превратиться въ человека „съ вѣсомъ“ и „вліяніемъ“, стать ораторомъ большинства, признаннымъ „главою“ и коноводомъ...

Что ни говорите, а большинство—вѣликолѣпный богъ; тупой, ограниченный, любящій тишину и спокойствіе. Лучшаго бога и не найти...

... А какъ оно умѣетъ награждать, это божеество—вы полюбуйтесь только!

— Я предлагалъ многоуважаемымъ членамъ настоящаго собранія, говоритъ предѣдатель (а лицо у него торжественно-строгое и важное, какъ

подобаетъ быть у уважающаго себя жреца)... я-бы предложилъ выразить общую нашу благодарность члену правленія (пмярекъ) за понесенные имъ труды и важныя услуги... м-м!.. сдѣланныя... сдѣланныя...

А большинство слушаетъ, одобрительно улыбається, шушукается и наконецъ единогласно постановляетъ: выразить благодарность!.. Большинство даже дѣластъ больше: оно избираетъ комиссію для выработки проекта о поднесеніи дара заслуженному члену.

Ахъ, какъ милостиво большинство! Какъ оно умѣетъ осчастливить, взять „огонь бодрости для дальнѣйшаго служенія“ ему!.. Членъ уходитъ домой съ непополненной душой... Онъ топорщится и пыжится словно павлинъ созваніемъ своей нужности и значимости для блага свѣта и для „общаго дѣла“... Теперь онъ не просто обыватель, а общественный дѣятель... На его лбу сияетъ печать большинства!

И членъ, превратившійся въ дѣятеля, долго бродитъ по своей квартирѣ, жестикулируетъ, повторяетъ десятки разъ какую нибудь особенно ему понравившуюся фразу или перазившую его деталь, останавливается передъ женой и вселяетъ звенящимъ голосомъ:

— Ты понимаешь, Аня!..

А жена смотреть на него и не на радуется... Она цѣлуетъ его долгимъ и смачнымъ поцѣлуемъ—и они расходятся спать просвѣтленные и умиленные... Такъ награждаетъ большинство своихъ адептовъ и служителей.

... Большинство! вездѣ и всюду красуется это большинство... На всѣхъ перекресткахъ и углахъ!..

Оглянитесь кругомъ—развѣ не вездѣ сидитъ этотъ многоликий и зыбкій богъ? И долу и вверху—всюду большинство... Оно засѣло въ прессѣ и вертитъ ея по своему усмотрѣнію. И пресса сдѣлалась такой-же тупой, невѣжественной, ограниченной, самоувѣренной и всемогущей, какъ и большинство. Пресса—молоть большинства, и ея обязанность разбивать головы всѣмъ непокорнымъ... Пресса вѣнчается и возвеличиваетъ всѣхъ, на кого упадетъ благосклонное око большинства, или на кого оно можетъ упасть, если его выдвинуть во всеуслышаніе и всеувидѣніе... Если большинство увлекается кинематографомъ—пресса ищетъ дифирамбы кинематографу; если борьбой,

спортомъ, скачками — она будетъ превозносить борьбу, спортъ и скачки... Она будетъ рыться во всѣхъ библиотекахъ и докажетъ вамъ, какъ дважды два, нужность, полезность и важность даннаго увлеченія большинства... Большинство чувствительно и сантиментально: оно любитъ иногда подь праздники всплакнуть надъ чьей нибудь горькой долей... большинство любитъ также страшные рассказы „хватящие за нервы“... И вотъ каждый годъ, въ Рождество, Новый годъ и Пасху мы имѣемъ возможность наслаждаться соотвѣтствующей литературой, начиненной злобой момента... Пусть это бездарно, глупо, пошло, но... такъ хочетъ большинство и таковы его потребности. Пресса только улавливаетъ ихъ и преподноситъ съ соотвѣтствующимъ гарниромъ.

Вездѣ и всюду вы увидите печать большинства—и въ театрѣ и въ литературѣ. Теперь большинство увлекается войной—и поэты, беллетристы, драматурги, художники, публицисты изъ кожи вонъ лѣзутъ, что-бы преподнести соотвѣтствующій материалъ. Потѣютъ, морщатъ лбы, кричатъ—и пишутъ, пишутъ. Ругаютъ нѣмцевъ, хвалятъ французовъ и бельгийцевъ, умиляются собственнымъ прекраснодушиемъ и прекраснодушиемъ русскихъ вообще—и заваливаютъ рынки дождемъ печатной бумаги. Правда, писано это на заказъ и безъ вдохновенія, не прочувствовано и не продумано. Но... такъ хочетъ большинство и да буди воля его... На угожденіи этому богу спасаются вынѣшнія души... И капиталъ приобретаетъ и невинность въ цѣлости.

А общественная мысль, а политикъ! Читаешь статьи жрецовъ большинства—въ голова кругомъ идетъ; не въ эпохѣ-ли мастодонтовъ мы еще обрѣтаемся!

Многіе изъ насъ мечутся и горятъ въ поискахъ смысла жизни, ея цѣли, ея окрашиванія въ живыя, горячія тѣни... Многимъ невыносима эта венючая яма, которую мы привыкли называть жизнью, невыносима до того, что люди травятся, топятся, сиваются, стрѣляются...

Самоубійство и недовольство жизнью растутъ не по днямъ, а по часамъ. И что-же? Пишутся цѣлыя горы статей противъ индивидуализма и зовутъ въ теплая, спокойныя объятія большинства... Служите этому богу, отрекитесь отъ своей личности и своихъ запросовъ—и долголѣтны бу-

дете на землѣ... Ахъ, большинство, большинство оно и тутъ не понимаетъ, что именно отъ него-то и трудно дышать, отъ него-то и хочется избавиться и найти свои цѣли, свой смыслъ и свое оправданіе жизни. Оно также, самоувѣренно и тупо, какъ и встарь и попрежнему, считаетъ себя неогрѣшимымъ, единственной печкой, носительницей вѣчнаго тепла.

Впрочемъ этому и удивляться-то бы не стоило. Большинство вѣдь потому и большинство, что оно не имѣетъ индивидуальности, не имѣетъ личности. Для него не по силамъ исканія, не по силамъ личная, своя отвѣтственность за каждый свой шагъ: будь оно не большинство, а личности—нельзя было-бы сваливать вину за свой поступокъ на среду, условия, Господа Бога, правительство, товарищей, общество. Тогда-бы пришлось самому за все отвѣчать—и главное передъ собой, а не передъ другими—самому про все думать... Нѣтъ, нѣтъ! Большинство не можетъ такъ жить! ему всегда необходимо каксе нибудь складочное мѣсто, куда-бы онъ могъ сваливать весь свой духовный хламъ. И большинство ненавидитъ индивидуализмъ, ненавидитъ личность и бѣжитъ отъ него, какъ отъ чумы... Нѣтъ большого грѣха въ катехизисѣ большинства чѣмъ „эгоизмъ“. Обвиненіе въ „эгоизмѣ“—самое страшное обвиненіе для каждаго члена. И заподозрѣнный въ такомъ „чудовищномъ“ преступленіи членъ сразу-же начинаетъ заикаться и поѣть.

Большинство не могло-бы быть большинствомъ, если-бы не имѣло пастыря и овецъ. Жить безъ него для большинства представляется такой-же несообразницей, какъ идти на луну обѣдать. Пастырь—выразитель воли большинства, овъ хранитель завѣтовъ и традицій, и знаетъ наперечетъ всѣ веревочки, которыми привязано большинство къ колу своего существованія. Миссія пастыря—вѣщать волю большинства, оберегать его отъ всякой смуты душевной и всякаго безпокойства, думать за него и составлять пространныя доклады. Пастырь всегда стоитъ на стражѣ—и такъ всосался въ душу большинства, что чувствуетъ малѣйшія ея колебанія; такъ проникся всею святостью веревочекъ и традицій, что уже за версту чувствуетъ все, что „отъ противнаго“ и загодя принимаетъ соотвѣтствующія мѣры. Овъ организуетъ общія собранія и прочитываетъ до-

кладъ о грядущемъ нашестви вредоноснаго духа, и тутъ же представляеть проектъ огражденія...

Пастырь всегда печется и охраняеть—и такъ свылся съ этимъ положеніемъ, что начинаеть въ серьезъ вѣрвать въ свою миссію. Онъ мало по малу вѣручаетъ смотрѣть на большинство, какъ на малаго ребенка, какъ на стадо, неспособное отыскать собственные пути—и смотритъ на него, снисходительно и любовно улыбаясь. Когда наблюдаешь эту картину—никакъ не можешь рѣшить; кто для кого созданъ—большинство для пастыря, или пастырь для большинства?... Большинство впрочемъ и само сознаеть свою безпомощность иначе зачѣмъ бы ему и пастырь? и не прекословить вождю въ его охранительныхъ порывахъ. Оно выносить соответствующія постановленія и успокаивается... Большинство не увѣрено въ себя—и каждый членъ въ отдѣльности вполне безпомощенъ противъ всякихъ „влияній“. Онъ легко можетъ купить вредную книжонку или журналъ, совершить какойнибудь вѣрвечный поступокъ... словомъ соблазниться и созратиться. И единственное, что его можетъ спасти—это общее постановленіе не дѣлать того-то и того... Тутъ ужъ онъ, какъ гора. Его не прошибешь ни какимъ аргументомъ.

— Разъ общее собраніе постановило не покупать такой-то журналъ или книгу—значитъ книга или журналъ вреднаго направленія и могутъ испортить мое пищевареніе... Вудь-бы наоборотъ—я тогда считалъ-бы своимъ долгомъ ознакомиться.

И большинство не погрѣшиме. Оно рѣшаетъ все міровые вопросы, все вопросы мятущагося духа и нестроеннаго бытія съ такою-же легкостью, какъ играетъ въ карты или ѣстъ пи-

роги. Въ лапахъ большинства гибнетъ всякая свободная мысль, всякое творчество, всякое красивое чувство. Все это превращается у него въ „пупскъ“ и въ „курилку“, въ грязныя, замаранныя тряпки, въ которыхъ никогда не узнаешь бывшей красавицы... Большинство, какъ мясникъ къ коровѣ, приглядывается ко всякой мысли и всякому переживанію, оно щупаетъ бока и похотывая спрашиваетъ о цѣнѣ. „Членъ“ всякую мысль оцѣниваетъ: сколько она принесла золота автору, какова ея популярность, кто ее рекламировалъ и наклеивалъ марки? И въ зависимости отъ удовлетворительности этихъ справокъ покупаетъ и проглатываетъ или-же воротитъ носъ и отрицательно качаетъ головой. Въ рукахъ большинства все превращается въ профессию, въ „работу“. Къ чему-бы не прикоснулось большинство—все у него превращается въ... сапоги.

Таково большинство... А оно сочиняеть законы, оно во главѣ человѣчества и слицетворяеть прогрессъ... И невольно рождается мысль; для чего горѣли лучшіе изъ людей, къ чему стремились, мечтали, грезали, творили? Какой смыслъ во всемъ этомъ? Придетъ большинство—и грезь ваши, горѣнія и порывы тартарить большинство и заплешеть съ ними дикую сарабанду, потащить ихъ по всемъ дупанаріямъ и помойнымъ ямамъ.

... Камо бѣгу я отъ лица твоего, большинство? Камо спрячу я душу мою отъ твоего тлетворнаго дыханія?

И. Лебединовъ.

Современная любовь *)

Посвящается А. Блоку.

П. Римусъ.

I.

Если внимательно присмотрѣться къ тѣмъ формамъ, въ которыхъ въ наше время проявляется любовь между двумя полами, то нельзя не поразиться однимъ весьма страннымъ и, если угодно, даже парадоксальнымъ противорѣчьемъ этихъ формъ: съ одной стороны, ни когда, казалось бы, любовь не была столь возвышенной, столь идеалистичной, какъ теперь. Съ ростомъ цивилизации развивалось и эстетическое чувство человѣка, оно постепенно очищалось отъ своихъ биологическихъ корней, все болѣе и болѣе отдѣлялось отъ биологически - половыхъ вожделѣній, все обильнѣе и сильнѣе окрашивалось „цвѣтами“ культуры и психики, въ итогѣ чего любовь перестала быть простымъ удовлетвореніемъ биологической потребности, а стала не столько единствомъ тѣлъ, сколько единствомъ душъ. Спросите большинство людей, что они понимаютъ подъ любовью—просто-ли физиологическій половой актъ или же нѣчто иное, болѣе возвышенное—и отвѣтъ будетъ вполне опредѣленный.

*) Авторъ считаетъ долгомъ предупредить читателя, что его задачей является не восхваление или порицаніе тѣхъ или иныхъ явленій любви (эту почтенную задачу онъ представляетъ другимъ), а просто желаніе уразумѣть и вычлѣнить обрисовать современныя формы любви такими, каковы они есть. Міръ должнаго лежитъ внѣ рамокъ его статьи

П. Римусъ.

Спрошенный, вѣроятно, пожметъ плечами и если не скажетъ, то сдѣлаетъ видъ, говорящій: „За кого вы меня принимаете“ и самый вопросъ, пожалуй, приметъ за оскорбленіе. И съ известной точки зрѣнія онъ, несомнѣнно, будетъ правъ.

Но констатируя это съ одной стороны, нельзя закрывать глаза и на ростъ совершенно противоположнаго явленія, несомнѣнно прогрессирующаго съ ходомъ цивилизации, яснаго до очевидности при сравненіи деревни съ городомъ, малыхъ городовъ съ большими городами—современными Вавилонами. Говоря это, я разумѣю другую форму явленія, также называемаго любовью.—а именно, „ре стор ан н у ю“ любовь. Этотъ терминъ я употребляю для обозначенія всѣхъ тѣхъ половыхъ отношеній между мужчиной и женщиной, которыя (въ какой бы формѣ они не проявлялись) преслѣдуютъ не идеальныя задачи „единенія душъ“, симпатіи, дружбы и „чистой возвышенной любви“, а имѣютъ цѣлью простое единеніе тѣлъ, за плату (проституція), или безплатно, всѣ тѣ безчисленныя связи—мгновенныя и длительныя—гдѣ индивидъ для индивида важенъ прежде всего какъ „самецъ“ или „самка“, могущія удовлетворить надлежащую физиологическую потребность. Въ этихъ отношеніяхъ характерно пренебреженіе „духовнымъ я“ соответствующаго человѣка: для „него“ не важно: кто она по своему психическому укладу, умная или глупая, веселая или печальная, каково ея міровозрѣніе, взгляды, симпатіи, антипатіи и т. д.

Примѣчаніе редакціи. Въ виду принципиальнаго несогласія нѣкоторыхъ сотрудниковъ со взглядами г. Римуса на творчество Вал. Брюсова и К. Бальмонта; въ 5 и 6 №№ журнала „Сѣверный Гусляръ“ будетъ напечатана статья А. Туфанова „Символическое творчество и любовь“

Редакція.

и т. д.; для „него“ въ этомъ случаѣ важно лишь, достаточно-ли „жентильно“, она выглядит, возбуждаетъ ли его „хотѣніе“ и согласна ли въ тѣхъ или иныхъ условіяхъ удовлетворить его. Духовные и идеалистическіе аккорды здѣсь пропадають или отходятъ на задній планъ; все поле вниманія занимаетъ прежде всего „самка“. Проойдитесь по кафе, по ресторанамъ и вы увидите достаточное число такихъ „ищущихъ“ того и в другого пола, платныхъ и безплатныхъ. Войдите въ большія залы, въ театральныя фойе — и здѣсь при достаточномъ опытѣ не мало увидите лицъ, занимающихся тѣмъ же. А сколько такихъ „искателей“ ежеминутно встрѣчаются вамъ на улицахъ и на тротуарахъ, въ трамваяхъ и въ паркахъ, въ салонахъ и будуарахъ!!

И не нужно думать, что носителями той и другой любви („эстетической—идеальной“ и „физиологической—ресторанной“) являются совершенно различные люди. Нѣтъ! Сплось и рядомъ одинъ и тотъ же человѣкъ выступаетъ актеромъ и въ той и въ другой роли: сегодня онъ любитъ одну—эстетически, онъ „обожаетъ“, боготворитъ ее, какъ Мадонну, далеко отъ всякихъ „грѣховныхъ“ помысловъ о ней и цѣнитъ ее прежде всего за ея душу, за тѣ психически—эстетическія переживания которыя она въ немъ возбуждаетъ. Она — какъ самка не существуетъ для него или же существуетъ въ этомъ видѣ, какъ нѣчто случайное и не важное. И что же? Очень часто вы встрѣтите его же въ иной уже роли, въ роли актера „ресторанной любви“, мѣряющаго тротуары, сидящаго въ кафе или иномъ мѣстѣ за столикомъ съ дамой (но непременно продажной), которая интересуетъ его уже не какъ Мадонна или статуя Венеры, а какъ самка, какъ „Мессалина“ прежде всего.

Таковы вкратцѣ эти двѣ основныя формы „современной любви“. Теперь спрашивается: какъ же это можетъ быть? какъ могутъ сосуществовать эти два столь противоположныя явленія? Развѣ это не странно? Развѣ это не парадоксъ? И далѣе, если это дѣйствительно такъ, то „что день грядущій намъ готовитъ?“ Будутъ ли онѣ обѣ развиваться далѣе или одна изъ нихъ поглотитъ другую? Въ связи

съ этимъ, самъ собой встаетъ вопросъ, что же представляетъ съ этой точки зрѣнія современная семья? Какія сдвиги намѣчаются въ ней и каковы ея судьбы въ будущемъ? Попробуемъ кратко разобраться въ этихъ вопросахъ и привлечемъ для помощи и яркости современное художественное творчество, въ которомъ проявляются всего рѣзче „любовныя чувства“ современнаго человѣка.

§ 2.

Какъ извѣстно любовь всегда была излюбленною темой худож. творчества и, въ особенности, лирики.

И современная литература не избѣгла этой участи... Возьмите для примѣра нашихъ современныхъ поэтовъ. 90% ихъ стиховъ трактуетъ о любви и склоняетъ это слово во всѣхъ надежахъ и на всѣ лады... Для каждаго изъ нихъ характерна одна изъ двухъ указанныхъ формъ любви, хотя большинство современныхъ поэтовъ воссѣваютъ почти исключительно ресторанныю любовь. Я ужъ не буду говорить о такихъ лицахъ, какъ Арцыбашевъ—наибольше прямолинейный изобрѣтатель „кушеточно-диванной“ любви. Для его персонажей иной любви какъ будто и не существуетъ. Начиная съ „Санина“ и кончая „Равностью“ и даже „Войной“ гдѣ авторомъ выведенъ мелькомъ антагонизмъ „духовной“ и „физиологической“ любви—онъ изображаетъ исключительно ресторанныю любовь и неразрывно связанную съ путешествіемъ отъ кушетки къ кровати и обратно.

Возьмите другихъ. Возьмите Брюсова, Соллогуба, З. Гиппиусъ, Вальмонта, Городецкаго; возьмите болѣе новыхъ — И. Сѣверянина, А. Ахматову и т. д. и т. д. всѣ они въ этомъ отношеніи въ главномъ одинаковы, для всѣхъ ихъ любовь—непремѣнно плотская любовь. Всѣ психическія аккорды, тоны и оберъ-тоны—все это нѣчто второстепенное въ ихъ „любви“ альфой и омегой которой являются прежде всего самецъ и самка. Физиология — вотъ фундаментъ и канва, психическіе же наренія, надрывы, стоны, вздохи, смѣхъ, отчаяніе и надежда и т. д.—все это лишь „узоры“, одни лишь архитектурныя укра-

шени на здании любви, созданномъ изъ физиологическихъ кирпичей

Въ мою задачу не входятъ подробный разборъ творчества этихъ поэтовъ съ этой точки зрѣнія. Напомню лишь, что „Ярло“ Городецкаго, „Замороженно-вулканическая страсть“ лирики Гиппиусъ, „Солнечная любовь“ Вальмонта, „Навыи чары“, „Подвязки“ и даже „Лилитъ“—Соллогуба все они рѣшительно ресторано-физиологичны.

А Брюсовъ? Ну кому же неизвѣстны аккорды любви Брюсова!

Сегодня, сегодня одни и вдвоемъ
Притворно—стыдливо прикроются глаза,
И я развяжу голубыя подвязки
И мы, несмущенные, руки сплетемъ“

Сладострастье—лейтъ мотивъ его любовной лирики. И все тѣ разноцвѣтныя узоры отчаянія, ненависти, садизма, пустоты, лжи и тоски, которыми такъ богато творчество Брюсова—все что идетъ и вырастаетъ отсюда и возвращается сюда же.

Выражениями, подобными: „ты женщина—ты вѣдьмовскій напитокъ“, „опухшее женское тѣло“, „женское тѣло—трупъ“, „женщина—звѣрь“, сплетаніе и расплетаніе рукъ и звуки поцѣлуевъ, простыня и кура, сало и кровавая блѣдность губъ, „объятія“, „груди“, и т. д.—нестритъ вся лирика Брюсова.

А Сѣверянинъ? Для него весь миръ сплошной будуаръ или кабинетъ ресторана; все существуетъ лишь постольку, поскольку оно облегчаетъ и услаждаетъ физиологию. Все эти „женонклубы“, „Нелли“, „пудра и молявничи“, „комфортабельная карета“, „шампанское въ дили“, „устрицы и рокфоръ“, „плетень и садъ“, „подвязки и калоши“ и т. д. и т. д. вся эта обычная обстановка художественной лабораторіи Сѣверянина—все это лишь „атрибуты одной „субстанции“—ресторанной любви. Разница Сѣверянина и Брюсова здѣсь та, что Брюсовъ—поэтъ „неспокойной физиологіи“, а Сѣверянинъ воспѣваетъ комфортабельную физиологию, обстановку удобно, не имѣющую надрывовъ, отчаянныхъ стоновъ и спазмовъ. Даже само сладострастье его—„комфортабельно“. А, сла-

дострастье лирики Брюсова—не разъ переходитъ въ садизмъ, въ извращеніе, въ истязаніе.

Раскройте „Четки“ Ахматовой и тутъ неключительно та же „кушеточная“ любовь. Не разъ здѣсь читаете вмѣсто любви фигуральныя описанія ея: „онъ тронулъ мои колѣни“, „коснулся платья“, „кошачьи глаза“, „устрицы“ и „спальня“, „поцѣлуй“, „любовникъ“, „смятая и несмятая постель“ и т. д.—однимъ словомъ Мопсановско—земная любовь и только.

Мадонны и Беатриче—не видно въ ея творчествѣ...

У всѣхъ указанныхъ, какъ и у безчисленнаго множества другихъ поэтовъ, любовь до нельзя, однообразна, шаблонна и проста. Исходъ и завѣтная цѣль—физиологическій „мигъ блаженства“; все остальное лишь цвѣты, вырастающіе на этой почвѣ: поцѣлуи, взгляды, объятія, ревность, разлюбленіе и влюбленіе, иногда громко-фальшивое: „Мы счастливы будемъ!“, „Мы будемъ безумны!“ или „Хочу быть гордымъ!“, иногда отчаянное:

„Дитя! прости обману поцѣлуя!
Я лгу, моля, твердя „люблю“ я лгу“.

Иногда мерещится имъ вмѣсто любви и блаженнаго мига

„Опухшее женское тѣло,
И мерзости ласкъ, и грязь простыни,
Какимъ-то саломъ давно пропотѣлой“.

Но—пройдетъ минута и опять тѣ же „подвязки“, объятія и т. д.

Однимъ словомъ основная формула любви проста и примитивна.

Конечно, есть пѣвцы и иной любви, любви „идеально-платонической“, любви нетлѣнной и неприкосновенной, видящей въ женщинѣ не самку, а чистую и прекрасную Мадонну или Беатриче.

Изъ русскихъ поэтовъ можно назвать Блока и, въ особенности, Блока—творца „Розы и Креста“. Вы, конечно, помните эту дивную поэму объ изорѣ—Прекрасной Дамѣ, о вдохновенномъ рыцарѣ—поэтѣ—Странникѣ и о Бертранѣ, прозванномъ „Рыцаремъ—Несчастьемъ“. Изора для Бертрана—Мадонна, Идеалъ, Прекрасная Дамы.

Для него она—смысль бытія и высшая красота. Она—высшая цѣнность, она то, что можно назвать конечнымъ идеаломъ.

Любовь къ ней—уже не физиологія, не подблудн, не кушетка, не объятія, не устрицы—а нѣчто иное—безконечная радость и въ то же время безконечное страданіе. Здѣсь нѣтъ и атома сладострастія, объятій, ресторана и постели.

„Роза, гори!
Смерть, умудряешь ты сердце.
Я понялъ, понялъ, Изора:
Сердце законъ непреложный—
Радость—Страданье одно:
Радость, о, Радость—Страданье,
Боль неизвѣданныхъ ранъ“,

поэтъ онъ умирая подъ окнами Изоры.

Эта любовь—какъ та роза на груди прекраснаго странника желанна, велика и радостна. Но въ то же время—она не забава, она не игра, не флиртъ—а великій крестъ, великая наша, трагически прекрасная, звенящая лишь чистыми переливами психическихъ звоновъ. Она—цѣлый космосъ, она—цѣлый міръ. Она—для него „все“. Она все даже тогда, когда другому Изора отдается по „земному“.

„Сердцу законъ непреложный“
Радость—Страданье—одно,

Радость, о Радость—Страданье,
Боль неизвѣданныхъ ранъ“.

Вы понимаете эти стихи? И понимаете, о какой любви они говорятъ? Когда слышите ихъ—та земная любовь—даже въ голову не приходитъ; онѣ въ мірѣ разныхъ измѣненій, какъ несоизмѣрима Маловна и Мессалина, Канканъ на подлѣ бптвы или въ храмѣ—отвратителенъ, физиологія въ этой любви—мерзостна. Или то, или другое—но то и другое несовмѣстимы... Нельзя въ одно и то же время любоваться Венерой и цѣловать ее жирными губами и угощать ее устрицами. Или Венера или... другое...

Въ этомъ отношеніи поэзія Блока и Вл. Соловьева,—поэзія „Вѣчной женственности“ „прекрасной и незнакомой Дамы“ могутъ служить яркой иллюстраціей къ очерчиваемому типу „идеальной любви“.

Теперь, проиллюстрировавъ указанные типы любви, вернемся къ поставленнымъ выше вопросамъ и попытаемся отвѣтить на нихъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

П. Фимусъ.

ТРИ ПѢСНИ.

I.

Ихъ пѣли одну за другой, чередой.
Надолго прощаясь съ подругою милой,
Бѣлъ первую витязь-боецъ молодой,
Дышала она и отвагой и силой...

II.

Когда отъ пальбы небеса потемнѣли
И съ визгомъ носились и рвались шрапнели,
Вторую запѣла смерть въ полюшкѣ чистомъ,
А ядра и пули ей вторили свистомъ.

III.

Кружась послѣ боя надъ грудями тѣль,
Злой коршунъ послѣднюю пѣсню пропѣлъ.
Но только не слезы въ той пѣснѣ звучали,
Въ ней не было даже и тѣни печали:
Онъ пѣлъ объ отважныхъ, о павшихъ со славой
Да звалъ помянуть ихъ на тризнѣ кровавой.

В. Яшинъ.

Я И ТЫ ВЪ ТѢНЯХЪ И ОНЪ ВЪ МАСКѢ).

Трагическій символъ.

(Окончаніе).

А. Туфановъ.

Сцена III.

Сначала на склонѣ горы надъ долиной Тѣнь „Я“ стоитъ въ нѣмомъ изумленіи. Вся долина покрыта клубами дыма; въ огнѣ—крики, стоны, проклятія. Участвуютъ въ сраженіи 100 миллионъ солдатъ. Онъ выбираетъ районъ, издали похожій на ряды мельницъ съ крыльями; одѣваетъ одежду съ убитаго солдата и подходитъ къ одной изъ „мельницъ“, безъ шума выбрасывающей 1000 пуль въ минуту по приказу по телефону.

ТѢНЬ „Я“. (Стучить въ бронированную будку на орудии).

Землякъ! Живешь послѣдній часъ,
Согрѣй мнѣ душу въ первый разъ.

Открывается дверь, Тѣнь „Я“ смотритъ на Него, мужа Женщины въ синемъ, и говоритъ съ видомъ простака, но съ скрытой насмѣшкой.

Я буду слушать, ты мели,
Но глазъ моихъ не запыли:
Ребенокъ ждетъ меня отъ звѣздъ,
Слѣпому не до дѣтскихъ слезъ...
Ура, солдатъ! Мели, мели!..

ОНЪ. (Передразнивая).

Мели!.. Не черти ль привели
Въ свинцовый ливень къ намъ въ оврагъ?
Должно быть пасъ овецъ въ горахъ
Ты до войны?

ТѢНЬ „Я“. (Серьезно).

Нѣтъ, я одинъ
Въ ущельѣ жилъ. Развелъ жасминъ,
Крапиву и мимозъ кусты.
Когда увидѣлъ, что мосты
Вездѣ у васъ наведены,
На нихъ горятъ цвѣты весны,
Какъ факелы...

ОНЪ. (Перебивая, насмѣшливо).

Ты—фантазеръ!
Забавень словъ твоихъ узоръ.
Ну, лѣзь ко мнѣ, давай мнѣ знать,
Куда я долженъ сыпать рать
Свинцовыхъ пуль...

*) См. „Сѣверный Гуслиаръ“, № 3.

ТѢНЬ „Я“. (Слушаетъ въ телефонную трубку и съ злорадствомъ отвѣчаетъ).

Стой, замолчи!

У потухающей свѣчи
Жена твоя мнѣ говоритъ:
Будь дезертиромъ. Пусть горитъ
Весь міръ въ огнѣ. Исходъ одинъ:
Смерть тамъ, смерть здѣсь. Будь вла-
стелинъ!

Чтобъ въ синеву любимыхъ глазъ
Взглянуть еще въ послѣдній разъ,
Бѣги, измѣнникомъ умри,
Но при сяннн зари.

ОНЪ.

Молчать, пастухъ! Я поражу
Тебя кинжаломъ. Не щажу
Я никого...

ТѢНЬ „Я“. (Изумленно).

Забыль ее?..

(Послѣ общей паузы).

При смерти тамъ дитя твое!..

Солдатъ хватается за кинжалъ, ТѢНЬ „Я“ бросаетъ въ механизмъ ключъ отъ голубой тюрьмы. Отъ порчи механизма электрическій токъ Его, въ маскѣ солдата, убиваетъ, а ТѢНЬ „Я“ скрывается въ лѣсъ, произнеся надъ трупомъ:

Тараканомъ былъ онъ чернымъ, соблазнителемъ,
Безнаказаннымъ, суровымъ сталъ я мстителемъ,

Не любилъ онъ цвѣтеня луны
И журчанья нѣчной тишины...

Свѣтляка въ травѣ храню, какъ коробейника,
Посылаю комаровъ изъ муравейника,
Комары свѣтляка веселятъ,
Онъ, покинутый, пѣсенкѣ радъ.

(Послѣ паузы)

Я съ нею осолнеченъ въ лунныхъ мірахъ,
Живу съ ней въ воздушныхъ горахъ,
По-царски влюбленный я,
Она опаленная,
Вся звонкая
И тонкая

Черезъ лилію трепетнымъ снамъ моряковъ
Цѣленье въ лучахъ маяковъ
Священнымъ касаніемъ,
Журчащимъ молчаніемъ
Освѣженной,
Загрешенной.

Сцена IV.

Лѣсная избушка Женщины въ синемъ. Въ кровати умирающій ребенокъ.
Входитъ Тѣнь „Я“.

РЕБЕНОКЪ. (Слабымъ
голосомъ).

Жду тебя давно, давно...
Душно, ты открой окно...
Будешь ли играть со мной?
Увезешь ли въ край родной?...

Входитъ мать ребенка и въ страхѣ останавливается на порогѣ. Сердце у нея синее; Тѣнь „Я“ ея не замѣчаетъ. Онъ чувствуетъ, что наступили послѣднія минуты жизни ребенка, беретъ веревки, привязываетъ ихъ черезъ кровать къ лошадамъ, „мишкамъ“, оленямъ и др. игрушкамъ, самъ садится на кровать. При звукахъ его голоса къ ребенку возвращаются силы; слушая, онъ все время улыбается.

ТѢНЬ „Я“. (Сначала къ ребенку, а потомъ, увлекаясь, въ пространство).

Ты здоровъ. Садись какъ царь.
Мы поѣдемъ въ свѣтозарь.
Я—морякъ—твой ямщикокъ,
Сяду здѣсь на облучокъ.
Это—лань, олень, здѣсь лось...
Эй, лихія! насъ забрось
Въ мигъ одинъ на облака,
Съ облаковъ мнѣ сѣдока
Тоже въ мигъ умчите въ челнъ,
Тамъ подъ пѣнье вѣчныхъ волнъ
Будутъ мнѣ его качать,
Прикажу всѣмъ величать,
Какъ царя...

РЕБЕНОКЪ. (Улыбаясь).

Самъ... будешь... кто? (Умираетъ).

ТѢНЬ „Я“. (Смотритъ, блѣднѣя). Безъ тебя всегда никто...

Выходитъ, съ раздраженіемъ разрывая бѣлый саванъ.

Сцена V.

Горы. Зима. Тѣнь „Я“ стоитъ въ оголенныхъ кустахъ жасмина, вспоминаетъ о годовщинѣ своего рожденія въ это число и часъ въ мѣрѣ реальнаго.

ТѢНЬ „Я“.

Новорожденный въ каждый мигъ,
Все же вспомни, что въ этотъ день
Поняла одинокій крикъ
Замороженная сирень.
Въ покрывалѣ рожденъ никто,
Чтобы душу имѣть нигдѣ,
До рожденя онъ былъ ничто,
Братъ умершей слѣпой звѣздѣ.
Къ незеркальной вдовѣ зайдетъ:

Оснѣжили ее вчера,
Здѣсь жасминъ, здѣсь не снѣгъ, не ледъ,
Скажетъ ей: все моя игра,
Съ челнока поиграй волной,
Дебюсси, Шубертъ, Григъ, Шопенъ
Размотаютъ клубокъ большой.
Крепа нѣтъ въ царствѣ вѣчныхъ смѣнь.

Появляется Призракъ Женщины съ сердцемъ синимъ. Оба не видятъ, но чувствуютъ другъ друга.

Поднимается метель.

ЖЕНЩИНА ВЪ СИНЕМЪ. Я слышу пѣнье похоронъ,
Въ метели будто съ церкви звонъ.

ТѢНЬ „Я“.

Ея не вижу въ смертный часъ,
Сверкаетъ вѣчность какъ алмазь.

ЖЕНЩИНА ВЪ СИНЕМЪ. Здѣсь тѣнь люблю. Гдѣ третій, онъ?
Быть можетъ погребальный звонъ
Надъ тѣмъ?.. Не здѣсь... Нѣтъ, это вой
Метели снѣжной подъ горой...

ТѢНЬ „Я“.

Вотъ пряди шелковыхъ волосъ
Упали въ душу, но безъ розъ!
Сѣдые! Холоды!.. Ахъ, метель,
Качая надо мною ель,
Въ снѣжки играетъ, не она!
Она застыла у окна:
Не вижу опаленныхъ глазъ
Въ послѣдній мигъ, въ послѣдній часъ.

Солнце садится за горы. Тѣнь „Я“ подходитъ къ пропасти и бросается въ потокъ. Женщина въ синемъ въ тревогѣ прислушивается къ шуму потока, а лотомъ кружится въ вихрѣ, вспоминая меланхолическую мелодію, слышанную въ долинѣ; слышитъ англійскій рожокъ и виолончель; пробуетъ бороться съ охватившей тоской, напѣвая другу.

ЖЕНЩИНА ВЪ СИНЕМЪ. Метели вторитъ рожокъ англійскій,
Въ душѣ томленіе леденя;
Отъ звуковъ душно. Видѣнье близко.
Душа въ тревогѣ, полна огня.
Синѣютъ звоны виолончели,
Плыветъ истомный вокругъ туманъ.
Вогъ гдѣ-то дьяволы качели
Скрипятъ: въ туманѣ всегда обманъ.
Тѣнь ищетъ жемчугъ въ цвѣтахъ азалій,
А жемчугъ море таитъ отъ насъ,
Лучами солнца царя связали,
Онъ тѣню бродитъ въ ненастный часъ.
Тоска и буря—родныя сестры.

Хочу на лунномъ съ нимъ плыть челнѣ,
Челнѣ бьется стоя о волны пестры,
И чуждъ онъ синей моей волнѣ.

(Уходитъ въ долину).

С ц е н а VI.

Лѣсная избушка. Женщина въ синемъ читаетъ письмо изъ долины смерти
отъ Тѣни „Я“:

Я на землѣ былъ только тѣнью,
Въ долинѣ темной тѣней нѣтъ,
Горятъ тоской по возвращенью
Здѣсь моряки со всѣхъ планетъ.
Я только здѣсь узналъ свободу:
Безсильно солнце, я—не тѣнь,
Всему костлявому народу
Придумаю отъ скуки день.
Самъ подожду тебя... Зажженной
Душѣ моей не умереть,
Да ей, землей испепеленной
Я и не дамъ въ тоскѣ истлѣть.
При встрѣчѣ съ вернымъ сияньемъ
Я надъ долиной зацвѣту
И всѣмъ земнымъ твоимъ желаньямъ
Вѣнки изъ грезъ цвѣтныхъ сплету:
Сіянье наше будетъ вѣчно,
Оно въ мелодии нѣмой
Намъ будетъ пѣть о безконечномъ
Подъ бѣлой тихой пеленой.
Потомъ земли видѣнья міру
Змѣею желтой возвратимъ,
И по цвѣтущему эфиру
Къ звѣздамъ роднымъ мы улетимъ.

При чтеніи послѣднихъ словъ письма она встаетъ и затѣмъ бѣжитъ къ рѣкѣ.

ЖЕНЩИНА въ новомъ синемъ. Иду, иду въ тотъ міръ къ нему,
Сіяньемъ мы сожжемъ тюрьму.
Скорѣй, скорѣй... Ждать страшно тамъ,
Прикосновеній трепеть дамъ
Священныхъ. Взглядъ одинъ въ огнѣ
Вернетъ его опять къ лунѣ,
Съ луны на землю. Все одна...
Мнѣ душно... Нѣтъ вверху окна...

(Бросается съ обрыва въ рѣку).

А. Туфановъ.

Режиссеръ.

Басня.

Одинъ извѣстный режиссеръ;
Чей опытный, художественный взоръ
Изъ пустяковъ выкраивалъ картины,
Актеровъ превративъ въ машины,—
Задумалъ новую для публики приманку.
Взялъ храбро „Горе отъ ума“
И вывернулъ всю пьесу на изнанку:

Гдѣ былъ Ерема, сталъ Юма,

Гдѣ былъ герой,—явился неврастеникъ,
Гдѣ былъ букетъ, тамъ, смотришь,—вѣникъ,
Гдѣ молодой, тамъ—старичокъ,
Гдѣ добродѣтель, тамъ—порокъ...
Бездѣлокъ, мелочей на сценѣ тьма,—
Двойное горе, кто сойдетъ съ ума!

И всколыхнулись кости дѣдовъ,

Узнавъ про зрѣлище, противное уму,

А самъ великій Грибоѣдовъ

Неслышно прошепталъ: „При жизни зналъ я свѣтъ
И философскій далъ себѣ совѣтъ:

Не удивляться ничему“.

А я, обыкновенный смертный, каюсь,
Что многому ужасно удивляюсь,
Хотя бы страннымъ фантазерамъ,

Сверхъ —режиссерамъ

А. Стрѣшневъ.

Вавилинъ дворъ.

(Верхотурское преданіе).

Евгѣній Козловъ.

Быстро и стремительно несется мутная Тура, подмывая обрывистые и лѣсистые свои берега. Шумно плещутся вспѣнные волны, воронкой крутятся около глубокихъ темныхъ омутовъ и плавно колыхаясь несутся куда-то далеко-далеко впередъ...

Словно пытаются крутые берега сдавить съ боковъ неугомонно-бурную Туру и удается это иногда; но рѣзкимъ поворотомъ, пѣнно волнуясь и гнѣваясь, вдругъ вырывается своею нравная рѣка изъ враждебныхъ тѣснинъ, и несется опять широкая, торжествующая и мутная...

На мрачныхъ, обросшихъ старыми елями и соснами, глинистыхъ кручахъ нигдѣ не видѣется никакого человѣческаго жилья. Только дикіе и густые лѣса ревниво стерегутъ свою буйную красавицу, сокрывшую въ себѣ столько жуткихъ и невѣдомыхъ тайнъ.

Недаромъ, словно въ крови течетъ Тура.

Много безвинной крови и труповъ приняла она въ свои мутныя волны..

Не разъ бродяги разбойные да каторжники бѣгле, — расправясь темной ночью, съ подкарауленнымъ на большой дорогѣ заподавленнымъ въ Верхотурье, купцомъ или одинокимъ богомольцемъ „на поклоненье“, — бросали въ рѣку бездыханную жертву.

Не разъ выбрасывала она безвѣстныхъ мертвецовъ на свои желтыя отмели...

Шумитъ Тура...

На высокомъ крутобережьи, неподалеку

отъ стараго тракта, у самой рѣки угрюмо глядитъ темными провалами пустыхъ оконъ широкой и низкой бревенчатый домъ, полуразвалившійся отъ старости.

Много времени прошло съ тѣхъ поръ, когда трагически покинулъ это жилище его сумрачный хозяинъ, обремененный грузомъ тяжкихъ грѣховъ и тайныхъ ночныхъ злодѣйствъ...

Но еще до сихъ поръ извѣстенъ среди мѣстныхъ жителей „Вавилинъ дворъ“ и рассказываютъ про него страшныя, невѣроятныя были...

I.

Какъ это случилось въ первый разъ, про то Вавила очень хорошо помнить...

Помнить, да только никому не рассказывать: не охота, хоть и на старости лѣтъ, кончать свои годы въ сибирской каторгѣ.

Эхъ, осенняя ночь — соблазнительница, никогда ты не забудешься!

... Подвыпившій купецъ звонко считая при трепетномъ свѣтѣ свѣчи свою ярмарочную выручку, размѣнянную на золото.

Золото... Много золота...

И не впору любопытень былъ тогда, еще сорокалѣтній вдовецъ, Вавила: наклонился къ дверной щели, услыхавъ звонъ и увидѣлъ...

— Золото!... Много золота...

Словно прилипъ къ двери, трясется

Вавила: никогда еще въ жизни не видѣлъ такъ много денегъ...

Тутъ-то и пришла ему въ голову каторжная мысль...

— Купецъ сейчасъ у него на постояломъ дворѣ одинъ-одинешенекъ... Ночь темна...

Поблизости никого нѣтъ... Онъ уже пьяно дремлетъ и скоро заснетъ... Крика никто не услышитъ... Топоръ остеръ...

Подъ бокомъ шумитъ глубокая и быстрая Тура...

— И тогда золото, все золото будетъ у него, у Вавилы...

— А Тура не выдастъ, нѣтъ не выдастъ!.. Не выдержалъ онъ искушенія.

Еще до сихъ поръ помнитъ, какъ хрипѣлъ купецъ, какъ дико-испуганно вращалъ умирающими глазами...

Цѣлую недѣлю потомъ трепеталъ: думалъ, вотъ-вотъ откроется все, найдутъ тѣло купца и догадаются.

Нѣтъ, не догадались.

И съ той поры все чаще и чаще представляла эта проклятая мысль, а подъ конецъ неотступно овладѣла имъ: все чаще и чаще стали пропадать безъ вѣсти купцы и богомольцы, останавливавшіеся на ночлегъ у Вавилы...

Жадно поглощаютъ мутныя волны Туры эти ночныя жертвы и несутъ ихъ среди своихъ желтыхъ гребней внизъ по бурному течению...

А кубышка Вавилы, зарытая въ правомъ углу подполья, становится все полнѣе и полнѣе.

Совсѣмъ ожесточился онъ сердцемъ и словно даже не можетъ безъ крови жить.

Спокойно дѣлаетъ свое дѣло: кровожадно хрустнетъ топоръ и хрипло замираетъ послѣдній отчаянный стонъ...

Вотъ уже десять лѣтъ онъ занимается

недобрымъ да зато прибыльнымъ ремесломъ, и сорокъ христіанскихъ душъ безвинно загублено имъ...

II.

— Чудной какой-то, думалъ Вавила о сегодняшнемъ постояльцѣ.

Худощавый съ тонкимъ, блѣднымъ лицомъ, обрамленнымъ русой бородкой, онъ оказался очень разговорчивымъ. Уже успѣлъ сообщить, что съ раннихъ лѣтъ, пылая жаждой духовныхъ подвиговъ, онъ покинулъ богатый родительскіи домъ (изъ купечества они), сталъ странничать по монастырямъ, прожилъ въ одномъ изъ нихъ два года, а теперь ходитъ по землѣ русской и собираетъ у христіолюбцевъ на храмъ...

Во время рассказовъ его ласковые сѣрые глаза, то радостно вспыхивали и горѣли, то печально мерцали, какъ далекія ночныя звѣзды. Онъ часто-часто кашлялъ, хватаясь за грудь: тогда эти глаза уходили куда-то вглубь и глядѣли жалко и безпомощно... Говорилъ про свои богоискательныя странничества; и такъ жарки и впервые—странны были его рѣчи, что начало проясняться сумрачное лицо Вавилы... Но потомъ опять стало суровымъ, будто вспомнило о чемъ-то.

Осторожно всталъ Вавила, засвѣтилъ скрытый фонарь, взялъ топоръ и подошелъ къ той двери, за которой находился незнакомецъ...

Прислушался...

Спитъ... Неслышно открылъ дверь и вошелъ, прикрывая свой фонарь.

Лежитъ и порывисто, со свистомъ дышетъ, положивъ правую руку на нервно-вздымающуюся грудь. Выраженіе лица какое-

то печальное, страдальческое; отъ длинныхъ рѣсницъ подѣ глазами темнота...

Глядитъ на него Вавила и словно ослабъ весь: не поднимается рука на этого беззащитнаго чуднаго странника. Но должно-быть разбуженный свѣтомъ отъ фонаря, самъ проснулся тотъ: открылъ глаза и точно не вѣря, какъ въ страшное сновидѣнiе, закрылъ ихъ; потомъ опять открылъ, но широко-широко и все понялъ...

Застоналъ, забился весь... А Вавила очнулся, подходитъ.

— Пощади-и! — еще сильнѣе встрепенулся. Бьется беспомощно, какъ птичка въ силкахъ... А какъ смотреть, какъ вѣдь смотреть-то!...

Замахнулся Вавила и, избѣгая встрѣтиться глазами съ безнадежно-молящимъ взоромъ, ударилъ топоромъ...

Схрипнулъ, раза три дрогнулъ и вытянулся...

Взялъ старикъ все собранные странникомъ деньги (мѣдяки все) и еще полнѣе стала кубышка въ подпольѣ.

— А трупъ (не могъ Вавила на него смотреть спокойно!) тотчасъ-же выволокъ къ обрыву и бросилъ въ Туру...

Потомъ пришелъ въ горницу бросился на лавку и сразу заснулъ.

III.

Словно толкнулъ кто-то Вавилу: храпѣлъ, храпѣлъ и вдругъ проснулся.

Взялъ да и проснулся...

Ворочался-ворочался, нѣтъ: сонъ—какъ слетѣлъ. Завернулся въ овчинный полушубокъ поплотнѣе; думалъ пригрѣеть, разморить его тепло и опять заснетъ.

Нѣтъ—не спится.

Лежитъ Вавила и смотритъ напротивъ въ окно: ночь тихая и лунная.

Съ синяго неба тянется призрачная дорога, затканная зеленовато-серебристой парчей, скользить по верхушкамъ ближнихъ елей и частью блѣдныхъ лучей искоса заглядываетъ черезъ окно въ горницу. Старыя сосны и ели разбросали по землѣ свои фантастическiя тѣни, и, словно заколдованные луннымъ сномъ, стоятъ и не шелохнутся...

И вспомнился Вавилъ его сегодняшнiй постоялецъ, который сейчасъ, навѣрное, волочится гдѣ-нибудь по дну быстрой Туры. Какъ умоляюще вонзился его пытливый, полный ужаса, взоръ; какъ мучительно стоналъ онъ въ смертельной тоскѣ: „пощади“!..

И чуть было не дрогнула рука у Вавилы, чуть было не выпалъ бессильно топоръ; но вспомнилъ: „если останешься живъ ты, то погибну я“,—вспомнилъ вереницу своихъ недолгихъ гостей, и... не пощадилъ.

Но какъ онъ глядѣлъ, мучительно уставая тускнѣющими глазами...

— Да ну его!..

А сколько, сколько загублено жизнью-то человеческихъ... Не разъ жертва изрѣзанными, окровавленными пальцами пыталась удержать блестящее лезвiе неумолимаго топора... Нѣтъ, шалишь, не поможетъ! И послѣднiй вопль бессильно замираетъ...

— Да, что, въ самомъ дѣлѣ, такъ раздумался. Только разстраиваешься. Отъ бессонницы это.

... А вѣдь все изъ-за денегъ началось. Только для кого копить онъ,—онъ, одинокий бездѣтный вдовецъ... Вѣдь самому ужъ за пятый десятокъ перевалило и смерть не за горами... Каяться надо... А каяться во многомъ придется, во многомъ...

— Не спится...

Но что это?! „Почудилось“—успокоилъ себя Вавила.

— Да нѣтъ-же: вотъ еще и еще...

Какой-то странный высокій звукъ, не то свистъ, не то (прости ты Господи)!.. стонъ.

Вскочилъ съ лавки и сталъ прислушиваться. Вѣрно: кто-то стонетъ. Такъ, неужели, не на смерть зарубилъ онъ этого, сегодняшняго?.. Да, вѣдь, самъ же видѣлъ, какъ трупъ покотился по кручѣ въ рѣку. Можетъ-быть, тотъ, не достигнувъ до воды, зацѣпился гдѣ-нибудь по пути и теперь, очнувшись, стонетъ...

Эхъ, добывать придется; а то вѣдь выдастъ своими стонами, погибнешь съ нимъ... И показалось почему-то Вавилѣ, что долженъ онъ погибнуть въ эту ночь, вотъ сейчасъ... Жутко стало...

Нѣтъ, надо добить, а то вѣдь и, право, ни за грошъ пропадешь. Взялъ топоръ и вышелъ изъ избы; прошелъ дворомъ черезъ заднюю калитку...

Что-же, въ самомъ дѣлѣ-то... Или значить вѣрно почудилось?..

Никого и ничего нѣту. Ночь спокойная и безмятежная; одна рѣка шумить.

Постояль, постояль немного на обрывѣхъ надъ Турой и только-что собрался повернуть домой, какъ...

Стонъ, знакомый голосъ: „Пощади!“

— Сегодняшній постоялецъ.

Со середины Туры, изъ клубящихся волнъ подъ блѣдными лучами луны поднялась высокая бѣлая тѣнь и пошла къ берегу...

Отчетливо въ тишинѣ ночи опять раздался стенищій крикъ: „Вавила, пощади!“ Вотъ чей-то новый, звонко рыдающій голосъ: „Пощади, Вавилушк-а а!“ И новая тѣнь поднялась изъ глубокаго омута и двигается.

— А, вотъ кто это!—тоже знакомая.

Зарѣзанная богомолка... Въ ужасѣ повернулся Вавила къ дому, хотѣлъ бѣжать туда, закрыться на двери и крюки, призывая всѣхъ святыхъ... А оттуда, колыхаясь въ трепетномъ свѣтѣ луны, приближается къ нему нѣсколько прозрачныхъ фигуръ...

„Пощади-и!“—ужь рядомъ стоитъ и хрипло стонетъ зарубленный купецъ.

Вотъ и всѣ окружили его...

„Ха-ха-ха!.. Что, соскучились, гостеньки; опять пришли!“....

Безумно хохочетъ Вавила, отмахивается отъ мертвецовъ топоромъ, бѣжитъ отъ нихъ къ Турѣ, пока не сорвался стремглавъ съ крутого обрыва въ беспокойную рѣку...

Волны съ радостью подхватили, обняли—закружили Вавилу своими гребнями и замкнулись надъ нимъ...

Шумить Тура...

Несется въ своемъ буйномъ величии и красотѣ, подмывая мутно-красными волнами крутые берега.

А тѣ деспотично стараются удержать—сдавить бурливую дикарку; и мчится она по своему прихотливому руслу, словно въ чайныи желаннаго свиданія, мчится въ какой-то буйной радости до самаго впаденія въ Иртышъ.

Сумрачно переговариваются межъ собой старыя ели побережнаго густолѣся...

Нелюдимъ, угрюмъ стоитъ надъ рѣкой „Вавилинъ дворъ“ и жутко глядитъ темными оконными впадинами, затаивъ въ себѣ ужасы и проклятія прошлаго...

А Тура шумить, шумить...

Евгеній Козловъ.

Баллада о двухъ врагахъ.

Душа, въ лазури утопая,
Искала саркофага свѣтъ,
И ранъ смертельныхъ боль тупая
Цѣлилась пѣниемъ планетъ;
Герой предъ смертью былъ согрѣтъ,
Но не враждой къ врагамъ, видѣнемъ
Изъ дали блѣдной юныхъ лѣтъ:
Въ послѣдній часъ былъ мигъ забвенья.
Балладу Сенты напѣвая,
Врагъ безоружень и раздѣтъ,
Въ вѣнокъ патроны заплетая,
Въ крови плясалъ надъ нимъ привѣтъ:
Безумнымъ холодомъ одѣтъ,
Услышалъ онъ: иди въ плѣненье,
Отдай мечтъ тамъ вздохъ-отвѣтъ:
Въ послѣдній часъ былъ мигъ забвенья.
Вѣнкомъ сѣдины прикрывая,
Пришелъ къ намъ блѣдный юный дѣдъ,
Сказалъ: Привѣтъ, сестра слѣпая!
Принесъ въ душѣ послѣдній слѣдъ:
У пушекъ—да, предъ смертью—нѣтъ...
Мы съ нимъ—изчѣнники смятенью,
Тамъ долго хохоталъ поэтъ:
Въ послѣдній часъ былъ мигъ забвенья.

О, край родной, въ дыму кометъ,
У приоткрытой двери въ тлѣнье,
Ты былъ забытъ. Сіялъ разсвѣтъ.
Въ послѣдній часъ былъ мигъ забвенья

А. Туфановъ.

Келья матери Досифеи.

(Рассказъ)

Коровина.

Въ пятистахъ шагахъ отъ маленькаго уѣзднаго города Т., стоялъ женскіи монастырь. Обитель существовала всего еще только 18 лѣтъ и потому большая часть изъ 80-ти сестеръ были бѣлицы, три-четыре рясофорныя и только двѣ мантейныя—игуменья—мать Паисія и казначея—мать Александра. Уставъ и порядки монастыря были строгіе и тщательно соблюдались. Монастырь былъ чистенькій въ полномъ смыслѣ этого слова. Мать Паисія зорко слѣдила за благочиніемъ и для этого у нея была особая помощница, хитрая, пронырливая и умная мать Михаила.

Полночь. Въ маломъ храмѣ обители, примыкающемъ къ двухъэтажному корпусу келій теплятся кое-гдѣ неугасимыя. На лѣвой сторонѣ храма передъ иконой Казанской Божіей Матери у аналоя монотоннымъ соннымъ голосомъ бѣлица читаетъ положенное по уставу. Молодое лицо блѣдно, между бровей легла глубокая складка. Вотъ она медленно, не переставая читать наизусть, повернула голову на скрипъ дверей изъ келій нижняго этажа и усталымъ голосомъ окликнула:—Кто это?

— Я, я, Шура, пришла помолиться шопотомъ отвѣтила молодая бѣлица въ черномъ апостольникѣ и такой-же ряскѣ.

— Про свое все?

— Про свое; да ты читай, а то неравно разговоръ услышать наверху. Мочи

больше нѣтъ. Вотъ помолюсь, а завтра пойду къ матушкѣ и все открою.

Тишину храма опять наполнило однообразное чтение и шелестъ ряски Феоклуши, усердно клавшей поклоны на колеѣ передъ царскими вратами. Помогилась и тихо ушла обратно. Голосъ чтницы становится все тише, тягучѣй, а слова и фразы святой книги длиннѣй и тоскливѣй. Но вотъ, на хорахъ слышится шорохъ, стукъ лѣстовокъ, вздохъ, оханье. Чтница подбадривается: она знаетъ, что это изъ „верхнихъ“ келій вышла мать игуменья тоже помолиться. Грузно бьетъ она поклоны и шопотъ ея молитвы доносится до Шуры: — О, Всепѣтая, Матерь Божія... слышитъ она,—дальше слова теряются въ поклонахъ. Стукъ четокъ, скрипъ половицъ на хорахъ и опять все тихо, тихо и монотонное чтение.

Обѣдня кончилась рано. Феоклуша, она же и регентша, собрала ноты, отдала маленькой послушницѣ Фисѣ и сошла съ клироса. Это была хорошенькая круглолицая дѣвушка съ пушистыми рѣсницами изъ подъ которыхъ часто сверкалъ задорный, лукавый огонекъ сѣрыхъ глазъ. Она смѣло и рѣшительно поднялась по лѣстницѣ на хоры вошла въ широкій корридоръ „верхнихъ“ келій и тихо постучала къ игуменьѣ.

— Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. — Аминь, послышалось въ отвѣтъ и Феоклуша отворила дверь. Игуменья си

дѣла за чаемъ и это было ея время для пріемовъ и разныхъ докладовъ. Ѳеклуша вдругъ упала передъ ней на колѣни. — Матушка, простите меня, оклянную, что я осмѣлилась безъ зова, сама явиться къ вамъ. — Лишь-бы дѣло сказала. — Матушка, отпустите меня на войну, — точно выпалила Ѳеклуша и окаменѣла въ ожиданіи отвѣта.

Глаза у игуменьи вдругъ стали совсѣмъ, совсѣмъ круглые, а потомъ часто замигали.

— Ты въ умѣ? — Въ умѣ, матушка, — благословите на войну итти. Игуменья рѣзко позвонила; вошла келейница.

— Позови сейчасъ же мать Александру. Минуть черезъ пять вошла высокая и худая, какъ жердь мать казначея и низко поклонилась. — Въ келью матери Досиеи! На хлѣбъ и воду — Слушаю, матушка; сейчасъ благословите, или послѣ спѣвокъ? Вѣдь завтра Рождество Богородицы, обѣдня большая, изъ города много будетъ.

Игуменью, видимо, взбѣсило, что явилось препятствіе, но она сдержалась и метнувъ глазами коротко сказала: — послѣ спѣвокъ. Ступай, строго обратилась къ Ѳеклушѣ. Та вышла. — Мать Александра, ты вразуми ее, понимаешь? Я вѣдь давно знаю эту ея затѣю: отъ Михайлы ничего не ускользнетъ. Казначея конечно понимала, разъ дѣло касалось кельи Досиеи. Въ кельѣ этой, годъ тому назадъ, умерла старая монахиня Досиея. Про нее ходили слухи, что пришла въ монастырь замаливать какой-то тяжкій грѣхъ, но покаяніе ея не было принято Богомъ и душа ея послѣ смерти „тосковала“ и бродила по кельѣ. Въ эту-то келью и сажали провинившихся бѣлицъ

Двѣ изъ нихъ вышли на утро совсѣмъ измѣнившимися. Такъ, Шура — живописно

веселая, говорунья — вышла и замолчала и никто никогда почти съ тѣхъ поръ не слышалъ ея голоса и смѣха. Она только иногда читала по ночамъ въ храмѣ часы. Другая, Сима изъ „труждающихся“, послѣ своего сидѣнья стала сохнуть и до того истаяла, что пришлось ее устранить отъ всякой работы. Она, какъ тѣнь ходила по двору, по кельмъ и часто принималась плакать безъ всякой причины. Третья, — Настя вышивальщица только одна вышла, какъ и вошла, неуязвленной. Произошло это вѣрно оттого, что крѣпкая дѣвушка, какъ легла въ углу на полъ на „лепешку“, обозначающую матраць такъ и проспала безмятежно до утра. А мать Александра на другой день докладывала игуменѣ.

— Ужъ этакъ-то спать, что ни только видѣніе, а и живой человѣкъ пройди у ней по головѣ, и то не очнется. Игуменья качала головой, и въ душѣ смѣялась надъ казначеей. Послѣ всенощной Ѳеклушѣ велѣно было итти въ келью Досиеи. По дорогѣ, Паша вернувшаяся изъ города ловко сунула ей въ руку письмо. Ходъ въ страшную келью былъ черезъ комнату для профессающихъ, а дверь въ корридоръ была заставлена большимъ старымъ шкафомъ съ запасными рясами сестеръ. Мать Александра пропустила Ѳеклушу и замкнула дверь. Въ кельѣ была только одна табуретка, да въ углу на полу валялась „лепешка“; слабо свѣтилась лампада. Живо придвинувъ табуретку къ образамъ, Ѳеклуша влѣзла на нее и стала читать письмо. Оно было отъ Красновой, жены врача, съ годъ тому назадъ переѣхавшей съ семьей изъ Т. въ другой городъ. Ѳеклуша часто бывала у Красновыхъ, то по дѣлу, то на большіе праздники со своимъ хоромъ, то просто такъ между дѣлами въ городѣ забѣжить

попоетъ, поболтаетъ, посмѣется. Ее всѣ очень полюбили въ этомъ домѣ. Въ письмѣ было: „Милая Оеклуша, ты писала, что хочешь итти въ сестры милосердія—идешь или уже раздумала? А война, какъ тебѣ вѣрно извѣстно, все разгорается. Льетъ дорогая кровь нашихъ братьевъ. У насъ ушли трое. Молись, милая, чистая дѣвушка за всѣхъ за нашихъ трехъ воиновъ: Степана, Сергѣя и Германа. Посылаю тебѣ три рубля; купи сыру „ландрину“ и устрой себѣ, Настѣ и Пашѣ маленькій пиръ. Цѣлую тебя. Твоя любезная кривоножка.

Оеклуша сошла съ табурета. Лицо ея озаряла улыбка и все оно свѣтилось особенной прекрасной радостью. Она вспомнила, какъ годъ тому назадъ Ольга Петровна Краснова шла изъ обители, а Оеклуша ее провожала. Вдругъ Краснова оступилась въ канавку и захромала. По дорогѣ навстрѣчу имъ попался пьяненькій старичокъ сапожникъ и добродушно крикнулъ: „Эхъ, любезная кривоножка, тоже на прогулку выпла, какъ и прочіе люди“. Когда сапожникъ отошелъ дальше, онѣ обѣ повалились на траву и хохотали до слезъ. Оеклуша сѣла на „лепешку“, охватила руками колѣни и задумалась. На колокольнѣ пробило десять, потомъ одиннадцать. За окнами, изрѣдка, глухо шумѣли верхушками вѣковыя сосны, царапая по желѣзной крышѣ вѣтками. Обитель опочила. Тихо стало, такъ тихо, что казалось тишина заползала въ уши и назойливо, ровно напоминала о себѣ. Вдругъ Оеклуша уловила со стороны коридора какой-то неясный шелестъ. Она живо вытащила изъ кармана коробку спичекъ и какъ котенокъ легко и безъ шума очутилась у дверей, загороженныхъ съ коридора шкапомъ. Лампада чуть-чуть мерцала и было

почти темно. „Забитая“ дверь вдругъ тихо отворилась и въ ней показалась высокая, бѣлая тѣнь, держа вверхъ руки; отъ лица шель страшный фосфорически свѣтъ и дѣлалъ его ужаснымъ; на груди большимъ чернымъ пятномъ выдѣлялась икона. Похолодѣлыми пальцами, вся дрожа Оеклуша чиркнула давно наготовленную спичку и разу успокоилась, очутившись лицомъ къ лицу съ матерью казначеей. — О грѣшная душа матери Досиѣи, вернись и лягъ спокойно въ гробъ! театрално проговорила Оеклуша. — Ну, не беренди, дѣвка, низринула ты меня, это точно, значить и разговоръ нашъ иной теперъ, сказала мать-Александра. — Какой прикажите, мать-казначей,—лукаво замѣтила бойкая дѣвушка. — А вотъ какой: ни кому ни словечушка, ни гу-гу, слышишь? А я... я не останусь у тебя въ долгу. — Матушка, мнѣ бы только паспортъ у матери-Михаилы выкрасть, горячо и быстро заговорила Оеклуша. — Ишь ты куда хватил; ну, инъ ладно, будетъ такъ. А ужъ ежели того, то смотри, дѣвка, погрозились мать-Александра и повернула вспять.

На другой день была большая, торжественная обѣдня. Много было городскихъ. Хоръ пѣлъ на славу; регенша, видимо, была, „въ ударѣ“. Ея мощное, точно сталь и въ тоже время, какъ бархатъ ласкающее контральто покрывало хоръ и падало дивными вздохами въ прозрачно-голубоватыя облака кадилнаго дыма, когда открылись царскія врата передъ Св. Агнцемъ. Тихо и величаво стало въ храмѣ. А въ промежуткахъ между пѣніемъ тропарей блѣдныя монашескія уста регентши тихо повторяли три мужскія имя—Сергѣя, Стефана и Германа и всѣхъ воиновъ, добавляла Оеклуша.

Когда обѣдня кончилась, регентшу позвали къ матушкѣ.

— Сядь, сказала игуменья, указывая Ѳеклушѣ на диванъ. — Ты сегодня пѣла... Матушка оборвала себя и замолчала. — Пѣла, матушка, отвѣтила невинно Ѳеклуша, все время держа глаза долу. — Не про это вовсе, а какъ пѣла. Уязвила ты меня въ самое сердце, плакала я у обѣдни — По мѣрѣ силъ стараюсь матушка. Вижу, что стараешься, а только одумалась ли ты? Игуменья бокомъ поглядѣла на бѣлицу. Ѳеклуша вся вспыхнула и низко опустила голову. — Вѣдь ты то пойми, что первое—ты фундаментъ всего хора, второе регентша, а третье за твоѣ ученье и прожитье въ какомъ ни есть городѣ платить надо, а обитель наша не ахти какая богатая. Иныя, побогаче обители, тѣ могутъ отъ себя посылать сестеръ милосердія, а мы бѣдныя. Такъ-то, Ѳекла, подумай. — Матушка, Груша ростовская не хуже моего регентуетъ, а денегъ мнѣ не надо. Матушка, вдругъ разгнѣвалась. — Вотъ ты нонче какая—умнѣй меня хочешь быть! А питаешься Христовымъ именемъ будешь? Спать въ ночлежкѣ? Или ты разбогатѣла? У Ѳеклуши было 50 рублей, собранные сестрами въ складчину ей на дорогу въ Москву, но она умолчала, чтобы не выдавать подругъ. Игуменья даже кулакомъ ударила по столу. — Неблагодарная! кто тебя, сироту, отогрѣлъ, выучилъ, кто тебя сюда изъ Воронежа привезъ? Кто за тебя Грачеву платилъ за уроки на скрипкѣ? А? Ну, говори. А кто тебя и поднесъ баловаль ни въ примѣръ прочимъ? Разсуди-ка. А ты вотъ какъ хочешь отблагодарить свою родную обитель! Стыдно, мать! „Отпустите ее на войну“ а обитель такъ останется, резонъ, резонъ. Уйди съ моихъ глазъ до-

лой! Не хочу тебя больше видѣть. Неблагодарная! — грозно закончила свою рѣчь игуменья.

Съ этого дня для Ѳеклуши наступили тяжелые дни. Она горѣла между двухъ огней: съ одной стороны вся душа ея рвалась туда на помощь страдающимъ, льющимъ свою кровь, умирающимъ за родину, съ другой вполнѣ справедливые упреки игуменьи за ея неблагодарность. Подъ темной рамой худѣло и сохло незамѣтно для чужихъ глазъ молодое тѣло, а живая душа росла и крѣпла.

Стоялъ погожій осенній день. Нѣсколько сестеръ отпросились у матери-благочинной въ лѣсъ по бруснику. Въ числѣ ихъ была и Ѳеклуша, какъ общая любимица и „утѣшница“. „Увязалась“, какъ говорили бѣлицы и „Грушатка“. Груша, или „Грушатка“, была дочь богатого ростовскаго купца. Бѣленькая, хрупкая и нѣжная, какъ дорогая куколка, Груша была привезена родителями въ обитель по тайному совѣту врача—съ цѣлью удалить ее отъ шума и суеты городской жизни, отъ которыхъ страдали ея нервы, подрывая слабое здоровье. Грушѣ очень понравилось здѣсь и она захотѣла остаться подольше. За ней конечно ухаживали, но осторожно, что-бы она „не съела на шею“, какъ говорила матушка. У Груши въ обители обнаружились изумительныя способности къ пѣнію и музыкѣ. Черезъ три мѣсяца она уже такъ играла на фисъ-гармоніи, что ее приходили слушать, а учительница просто была безъ ума отъ ея таланта. Ко всему этому 16-ти лѣтняя дѣвочка была такъ честолюбива, что ни терпѣла ничьего превосходства въ этой области, а потому въ душѣ не любила Ѳеклушу и, какъ еще очень юная, часто

не умѣла этого скрывать. Бѣлицы знали это и часто поддразнивали дѣвочку.

Вошли въ частый осинникъ. Пахло пахлымъ листомъ и сыростью. Что-то задумчивое было въ полуоубаженныхъ деревьяхъ и казалось порой, что это опустѣлая хоромы, въ которыхъ прошла счастливая, богатая жизнь и ушла, оставивъ послѣ себя молчаливыхъ и задумчивыхъ свидѣтелей — оубаженные деревья. Шли молча. Вдругъ Оеклуша остановилась, окинула сестеръ взглядомъ своихъ искрометныхъ глазъ и подмигнувъ Полю и Настѣ начала тріо Бартнянскаго. Далеко по лѣсу неслись слова божественной пѣсни и чудилось, что деревья разступались, само небо слушало ее. Кончили. Всѣ смотрѣли на Оеклушу и точно ждали чего-то. Давно сестры не видали ее такой: она и съ ними была и не съ ними и лицо у нея опять стало такое какъ и прежде; все въ немъ было сразу — радость, грусть, задоръ и восторгъ. — Оеклушечка, ты что такая вдругъ стала, а то все сумрачная была, — робко спросила Поля. — Что тебѣ на сердце вспало? — „Уйду“, отрѣзала Оеклуша. Одна изъ бѣлицъ засмѣялась и сказала: — Вотъ регентша уйдетъ, а ты Грушатка на ея мѣсто станешь — Некуда ей идти, сверкнувъ глазенками, промолвила Груша. Она не знала еще тайны регентши. — Грушатка, а вѣдь тебѣ страсть хочется быть регентшей; подхватила другая. — Ну и хочется, а тебѣ самой развѣ нѣтъ? „Никакой корысти“. — — Ой-ли? — Вотъ-те крестъ. — Регентша —

Мать Аграфена! — Новая регентша! — дразнили ее бѣлицы, смѣясь и дергая за рукава ряски. Грушѣ стало весело, она тоже смѣялась и вдругъ захотѣлось ей выкинуть какую-нибудь развеселую штуку. Тутъ и просторѣ, вдали отъ зоркихъ глазъ матушекъ это было такъ заманчиво сладко. И вдругъ ея маленькій, но чрезвычайно музыкальный голосокъ прозвенѣлъ по лѣсу очаровательно-мило мотивомъ изъ „Веселой вдовы“. И только одна фраза, только одна, потому что сестры съ криками: „Чуръ, чуръ насъ!“ — разбѣжались въ стороны, а изъ-за большой осины показалась сама мать игуменя, тоже любительница „иобратъ“ брусья, а изъ-за ея спины выглядывала мать Михаила своими черными, какъ малины, глазами и улыбалась; лицемѣрная улыбка не сбѣгала съ красивыхъ губъ и открывала прекрасные бѣлые зубы. Груша замерла подъ страшнымъ взглядомъ игуменя и улыбкой матери Михаила, потомъ вдругъ упала на колѣни и своимъ дѣтскимъ голоскомъ взмолилась о прощени. — Ахъ, озорница, ахъ озорница, ласково журила мать Михаила, какъ-будто это и не она взманила игуменя въ лѣсъ и навела на бѣлицъ посмотреть какъ онѣ себя ведутъ. — Иди въ обитель и скажи казначеѣ, что-бы сегодня-же въ келію матери Досиѣи. Дѣвочка застыла отъ страха.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Коровина.

Нынѣ отпускаеши.

Жестокая повесть въ двухъ видѣняхъ.

„Лебедь молчитъ всю жизнь, чтобы прекрасно прожить однажды“.

(Старинная пословица)

ВИДѢНІЕ ПЕРВОЕ.

I.

Часы на крѣпости пробили двѣнадцать. и заиграли молитву ветхозавѣтнаго старца „Нынѣ отпускаеши“. Надежду, отчаяніе, паденіе, безуміе, радость, блаженство встрѣчи передавали звонъ церковныхъ колоколовъ, передавали, какъ могли. Провинціалы, появившіе въ большой городъ, слушая игру крѣпостныхъ колоколовъ, даже не узнавали мелодіи, потому что это скорѣе были намеки, а не мелодія.

А надъ городомъ стояла бѣлая сѣверная ночь, прозрачная, съ облаками бѣлосватыми, плывущими по алѣющему, не остывающему закату навстрѣчу разгорающейся утренней зарѣ. Ночь безъ горящихъ фонарей на улицахъ и мостахъ, съ гуляющими парами тѣней по набережной царственной рѣчки. Ночь, ноющая съ курантами молитву древняго старца Симеона; она знаетъ, что навстрѣчу ей уже идетъ освобождающее свѣтило, зажигая востокъ безсмертными лучами, лучами ободренія его бѣлой сѣверной рабы.

Когда часы заиграли свою ночную молитву, на набережной остановился противъ крѣпости одинокій прохожій. На немъ были черные плащъ и шляпа, въ которыхъ обыватели не гуляютъ лѣтомъ по набережной. Черные, устремленные вдаль, черезъ го-

ловы встрѣчныхъ, его глаза говорили, что онъ пріѣхалъ на время и что далеку еще тотъ край, къ берегамъ котораго онъ держитъ путь. Его лицо оставляло впечатлѣніе загадочности, непонятаго: изборожденный морщинами лобъ, а лицо—юное, безъ морщинъ; улыбались только однѣ губы, да и то какой-то внутренней затаенной, скрытой улыбкой, навѣвавшей холодъ и страхъ на тѣхъ, кто съ нимъ заговаривалъ. На видъ ему нельзя было дать и 30 лѣтъ, а уже въ черные вьющіеся волосы его были вплетены серебряныя нити сѣдыхъ волосъ. И холодомъ и ужасомъ вѣяло отъ его души, какъ отъ вѣчной ночи, никогда не видѣвшей утренней зари.

Онъ быстро шелъ по набережной къ центральному улицамъ города, но, когда часы заиграли, остановился; сначала слушалъ съ своимъ обычнымъ застывшимъ выраженіемъ лица, а потомъ улыбался одними губами, съ которыхъ срывались тихія, беззвучныя фразы.

Въ большомъ городѣ человѣкъ всегда проходитъ мимо другого, даже когда этотъ другой бросается съ моста въ воду; слова же не привлекаютъ ничего вниманія; какъ будто городъ населенъ глухонѣмыми. Вотъ почему въ большомъ городѣ чувство оди-

ночества разрастается до трагической вершинности, и въ немъ одинокіе погибають чаще, чѣмъ въ пустыняхъ.

„Но когда же?“ беззвучно говорилъ онъ, не обращая вниманія на проходившихъ. Онъ снялъ шляпу, облокотился на парапетъ набережной и смотрѣлъ на тихіе вслѣски рѣчныхъ волнъ у гранитныхъ береговъ.

А необходимо сказать здѣсь, что въ тѣ времена люди были охвачены общимъ безуміемъ. Поэты и рассказчики вбивали имъ въ голову идеалы самоотверженія, героизма, подвига; правительство было республиканское и проводило въ жизнь идеалы демократіи, а буржуазная интеллигенція была вся во власти неудовлетворенныхъ героическихъ инстинктовъ: поэты и рассказчики пошли навстрѣчу возмѣщенію и взяли на себя благодарную задачу, въ смыслѣ денегъ и славы. Да и не одни „художники“ слова занимались возмѣщеніемъ: композиторы сочиняли оперы, издвая въ звукахъ идею необходимость состраданія ко всему человѣчеству; газеты и журналы обратились въ своего рода мелочныя лавки для фабричнаго продукта природы — человѣка того времени; искусство уже перестало быть самоцѣлю, и таланты гибли отъ публичности; „художники“ слова, въ угоду толпѣ, какъ демагоги и проститутки, наряжали искусство въ пестрыя крикливыя одежды; они служили идеѣ общественности, а общество забывало ихъ еще при ихъ жизни; я хочу сказать: кто хочетъ быть бессмертнымъ, не долженъ служить ему.

Одинокій прохожій давно не былъ въ городѣ. Онъ много лѣтъ жилъ на сѣверѣ въ лѣсной глуши, вдали отъ людей, съ которыми никогда не говорилъ. Жители ближайшихъ къ его лѣсной хижинѣ деревень

навѣщали его, но никогда не слыхали его голоса. Они считали его глухонѣмымъ и называли Павломъ. Ихъ влекла къ нему тайна. Говорили, что онъ совершилъ какой-то великій грѣхъ предъ Богомъ и людьми и искупляетъ его отреченіемъ отъ міра.

А между тѣмъ Павелъ былъ извѣстный дѣятель революціи, пронесшейся ураганомъ по всей странѣ, одинъ изъ тѣхъ, кому само республиканское правительство обязано своимъ существованіемъ; только; онъ „измѣнилъ“ ей, революціи, до побѣды, ушелъ съ полговы со знаменемъ „мнѣ отмщеніе и азъ воздамъ“. Революціонный комитетъ сразу тогда же приговорилъ его къ смертной казни за „измѣну“, но, за неразысканіемъ, не привелъ приговора въ исполненіе. Чтобы убить вѣру въ себя у рабочихъ массъ и вожаковъ революціи и отрѣзать себѣ развѣ навсегда путь къ возвращенію, онъ еще до приговора подалъ „покаянное“ прошеніе на имя короля, въ которомъ писалъ, что онъ „раскаивается въ томъ, что въ юные годы не могъ подняться на высоту безвольнаго созерцанія всего окружающаго и стоялъ предъ событиями съ заинтересованнымъ наблюденіемъ“. Революціонный комитетъ, предположивъ, что онъ выдалъ ихъ всѣхъ въ прошеніи на имя короля, присудилъ его къ смерти. Отъ имени короля ему было объявлено всемилоствѣйшее прощеніе... И онъ покинулъ міръ съ ненавистью и къ революціонерамъ и къ королямъ. „Короли прощаютъ“, думалъ онъ, „за то, что я въ юные годы не былъ готовъ къ переходу въ небытіе, а „товарищи“ приговариваютъ къ смерти за то только, что я былъ искрененъ и не захотѣлъ держать меча въ мертвой рукѣ съ опустошенной душой“.

Съ набережной Павелъ ушелъ въ центръ

города, гдѣ горѣли своими вечерними огнями рестораны, въ которыхъ городъ постепенно замиралъ въ своемъ вечернемъ разгулѣ. Военные, учащiеся, проститутки ходили по тротуарамъ, останавливались, сговаривались, садились на извозчиковъ уѣзжали.

Проходя мимо большого магазина съ модными дамскими платьями, Павелъ остановился предъ зеркаломъ, а потомъ улыбнулся, и его улыбка застыла на губахъ. Ему почему-то вдругъ сдѣлалось жаль самого себя. У испепеленныхъ душъ трагизмъ всегда выявляется при улыбкѣ на лицѣ. Смотрѣлъ въ зеркало и говорилъ: человѣка необходимо съ дѣтства учить жалѣть самого себя.

„А здорово налимонился“.—почти у самого уха его крикнула проходившая мимо проститутка.

Вздрогнулъ. А проститутка остановилась, взяла его за рукавъ и сказала: поѣдемъ со мной

Вмѣсто отвѣта онъ молча поставилъ палецъ на то мѣсто зеркала, гдѣ смотрѣли его глаза. Она захохотала. Подошедши блюститель тишины, порядка и нравовъ ее отогналъ.

А онъ опять повернулся къ зеркалу и наблюдалъ, какъ состраданiе къ самому себѣ разгорается въ его душѣ и какъ чувство озлобленiя и бѣшенства кипитъ тамъ внутри. „И се, конь блѣдъ, и сѣдой на немъ, имя ему смерть: и адъ идяше вслѣдъ его“, вспомнилъ онъ изъ Апокалипсиса.

Здѣсь необходимо еще сказать, что въ тѣ времена, отъ пресыщенiя и для оправданiя, людямъ было „стыдно жить лично жизнью, потому что обездоленные изстрадались, измучились и вырождаются отъ нищеты, болѣзней, голода и духовной тьмы“

(въ кавычкахъ поставлены слова изъ социалистической газеты). Чтобы оправдать свои „камины“, они, настроенные республиканской прессой и поэтами-гражданами, строили ночлежные дома съ минимальной платой, равной русскимъ 2 копейкамъ въ ночь, для немущихъ, которые должны были, прежде чѣмъ попасть на ночлегъ, собрать эту минимальную плату съ прохожихъ на улицѣ, что было дѣломъ нелегкимъ въ большомъ городѣ: больницы съ кроватями, поставленными изъ состраданiя къ бѣднякамъ даже въ коридорахъ, за немѣнiемъ мѣсть въ самихъ палатахъ: убѣжища, ясли; лечебницы съ бесплатными совѣтами для бѣдныхъ: лечиться отъ туберкулеза въ Мексикѣ или въ Россiи, а отъ другихъ болѣзней—пить минеральныя воды въ Эмсе и купаться въ Босфорѣ у турокъ; строили богадѣльни, въ которыя ждали очереди старики и старухи по 10 лѣтъ, а потомъ попадали въ нихъ за нѣсколько дней до смерти; строили одиночныя тюрьмы по послѣднему слову строительной техники (это для облегченiя одиночно-заключенныхъ), посылали одиночно-заключеннымъ, кромѣ бѣлокъ по праздникамъ, еженедѣльные иллюстрированныя журналы съ рассказами о томъ, какъ нѣкому Х-у было очень приятно сидѣть въ одиночномъ заключенiи при сознанiи, что рабочимъ черезъ 40 столѣтiй будетъ очень хорошо жить на землѣ, и стихами, призывающими встать вокругъ земного шара и по призыву „впередъ“ двинуться, чтобы стукнуться лбами или на одномъ изъ двухъ полюсовъ или гдѣ-нибудь на экваторѣ.

Но въ тѣ времена уже ходилъ слухъ о возвращенiи съ голгофы, и люди трепетали при одной мысли о томъ, что будетъ съ

міромъ, когда святыя поднимуть бунтъ противъ него во имя низверженія идеи состраданія. Республиканское правительство даже издало законъ, ограничивающій свободу печати, боясь агитаціи противъ состраданія. Самое страшное для людей—не погибши герой; ему все можно, и онъ долженъ во-время умереть, писали въ газетахъ въ тѣ времена. „И изыде другій конь: и сѣдящему на немъ дано бысть взяти миръ отъ земли, и да убіютъ другъ друга: и данъ бысть ему мечъ великій“ *).

Павель думалъ обо всемъ этомъ и стоялъ блѣдный, уже безъ улыбки. Въ зеркалѣ горѣла мысль, страшная для города, мысль „безумная“. Извѣстно, что обыватель всегда рѣзко-выраженную индивидуальность считаетъ признакомъ безумія, ненормальности; если за его столомъ въ тѣ времена кто-либо начиналъ говорить стихами, хотя бы даже чужими, онъ думалъ, что гость начинаетъ сходить съ ума. или пьянъ, а если гость увѣрялъ, что онъ любитъ музыку, цвѣты и любовь, то обыватель безповоротно рѣшалъ, что это безумный, при чемъ молодые врачи тутъ же рѣшали, что это прогрессивный параличъ мозга, шепнувъ что-то хозяину; такимъ образомъ, любовь къ стихамъ, цвѣтамъ, музыкѣ въ тѣ времена ассоциировали съ страшнымъ бичемъ человѣчества. Интересно, съ какой перенесенной болѣзью ассоциировали они свою пошлость, глупость и зависть; вѣроятно, съ какой-нибудь дѣтской; болѣлъ, напр., человекъ въ дѣтствѣ свинкой, и выросъ изъ него обыватель, отрицающій „глупости“.

— „Но вѣдь это не все“, тихо говорилъ, сопротивляясь, Павель: а то великое „мнѣ отмщеніе и азъ воздамъ“?

„Сразу же уйди отсюда“, шептала

*) Апокалипсисъ, глава 6, ст. 4.

внутренній голосъ: „надо же, наконецъ, пожить тебѣ по-человѣчески! Гдѣ въ твоей жизни чувства, страсти, гдѣ жизнь для себя? Нѣтъ ея и не было. Ты былъ только тѣнью человекъ и никогда не былъ самимъ собой. Человѣчество приняло отъ тебя жертву, не имѣя на то никакихъ правъ, если не считать за право тотъ обманъ, который держалъ тебя въ рабствѣ всю жизнь и который живетъ въ книгахъ, собранныхъ вонъ въ той королевской библиотекѣ. А между тѣмъ это будетъ первое проявленіе твоей мести“...

2.

Вечеромъ на слѣдующій день Павель пошелъ въ молитвенный домъ. Онъ въ тотъ вечеръ искренно вѣрилъ во все это „Есть все то, что мнѣ въ данный моментъ нужно для внутренняго покоя, и нѣтъ ничего, что душу обращаетъ въ адъ“, говорилъ онъ самъ себѣ, входя въ домъ для молитвы.

„Хотите ли быть близкими мнѣ“? спрашивалъ онъ мысленно молящуюся толпу: „можетъ быть вы еще хотите помощи отъ меня“? Спрашивалъ и долго беззвучно смѣяся.

„А умѣете ли вы желать мнѣ все, что я самъ себѣ долженъ желать?... Нѣтъ, это будетъ потруднѣе заповѣди „Великаго Учителя“: не дѣлай другимъ того, чего себѣ не желаешь, которую не исполняете, а моей слѣдовать—не въ силахъ. И вспомнилъ онъ здѣсь объ одномъ изъ нихъ, который слѣдовалъ его заповѣди, но душу сжала тоска, и онъ убилъ воскресшіи образъ.

Когда запѣли „Нынѣ отпускаеши“, его душа задрожала въ мистическомъ трепетѣ. И, вѣроятно, бездонно-глубокъ и могучъ былъ въ ней этотъ трепетъ, что стоявшіе

около невольно подчинились исходящей изъ него волѣ къ жизни и со страхомъ смотрѣли на него; а въ юныхъ глазахъ, обращенныхъ на него, горѣлъ отвѣтный пожаръ. Въ храмахъ Божіихъ бываетъ всегда много жаждущихъ любви, ибо у любви и религии одни корни, поэтому Павелъ всегда и больше всего боялся монахинь: въ любви служительницъ Бога слишкомъ много человеческого. Теперь онъ безъ страха смотрѣлъ въ горячіе глаза и безъ словъ говорилъ имъ: вы не дадите освобожденія; а оно мнѣ нужно, потому что я усталъ бытъ тѣнью.

— Если Ты Богъ Всесильный, говорилъ онъ затѣмъ мысленно, смотря на священное изображеніе: пошли съ своего неба искупителя за грѣхъ міра предо мной, ибо міръ обратилъ меня въ тѣнь, опустошилъ душу, а умереть я самъ себѣ не позволю, пока не увижу солнца. Могила съ зарытымъ тѣломъ—не смерть, а вѣдь это все, что можешь сдѣлать со мной, вотъ почему я говорю: не позволю. А пока что, завтра я начну свое дѣло...

И съ этими словами Павелъ вышелъ изъ дома молитвы.

3.

„Общественныя учрежденія“ въ городѣ горѣли три дня. Рано утромъ Павелъ поджигалъ зданія, былъ все время на пожарѣ и любовался зрѣлищемъ; чтобы не возбуждать подозрѣнія, онъ кое-кого спасалъ, кое-что вытаскивалъ, бросая склянки съ бензиномъ; вбѣжить по пожарной лѣстницѣ, возьметъ одной рукой ребенка изъ окна, а другой рукой броситъ склянку въ то же окно.

Когда зданіе сгорало онъ, покупалъ вечернія газеты и уѣзжалъ куда-нибудь за

городъ, „отдохнуть на дачу“. Газетъ Павелъ не читалъ уже много лѣтъ, и не потому, что боялся заразиться общественностью, а просто потому, что самый интересъ къ общественной жизни считалъ пошлостью; но въ тѣ три дня его забавляло отношеніе печати и общества къ антиобщественному дѣлу, и онъ читалъ. Не мало мѣста было удѣлено безстрашію героя въ черномъ плащѣ, работавшаго „не покладая рукъ“, на ряду съ пожарными. На третій день городъ принялъ видъ необычный. По вечерамъ гуляли арестанты съ бубновыми тузами на спинахъ, умалишенные въ желтыхъ халатахъ, а подвѣзды богатыхъ осаждались стариками и старухами изъ богадѣленъ. Надо, впрочемъ, замѣтить, что во время суматохи добрая половина обитателей богадѣленъ скончалась отъ страха, и много политическихъ заключенныхъ было пристрѣлено часовыми солдатами, поэтому въ городѣ всего больше гуляло умалишенныхъ.

Такъ какъ во время бѣдствія народныхъ въ парламентахъ всегда назначаются чрезвычайныя засѣданія, а зданіе парламента во время пожара обратилось въ пепель, то президентъ республики созвалъ „высокое собраніе“ въ своемъ дворцѣ. Члены парламента говорили три дня безъ перерыва; подъ конецъ рѣчи перешли въ рукопашный бой; дѣло въ томъ, что въ парламентѣ было 13 монархистовъ и 15 социалистовъ, тѣ и другіе обвиняли другъ друга въ поджигательствѣ и для подкрѣпленія своей аргументаціи устроили драку. Изъ газетъ Павелъ узналъ, что больше всего рѣчей въ парламентѣ было посвящено сгорѣвшей королевской библиотекѣ. Для Павла это было первое и самое легкое дѣло. Сжечь, стереть съ лица земли, думалъ онъ, всѣхъ тѣхъ властелиновъ, которые поработили мою

душу, обративъ меня въ тѣнь, изъ страха предъ безсмертнымъ стояишемъ на полкахъ; вотъ они стоятъ и будутъ стоять на полкахъ сотни лѣтъ, ихъ авторы смотрятъ со страницъ своихъ книгъ и живутъ а я погибъ не поставивъ, изъ искренности, ни одной книги своей на полку. Такъ пусть же хоть на время они погибнутъ въ пламени! Всего не возстановить. Да и важна сама идея возстанія противъ всей культуры, пусть форма возстанія не совершенна (на рынкѣ у торговцевъ многія изъ книгъ есть), но важна сама идея и ея нѣкоторыя послѣдствія.

Забавной еще Павлу показалась одна замѣтка объ одномъ умалишенномъ, который сбросилъ свой халатъ на развалинахъ библиотеки и, покрывъ себя старыми революционными газетами, бѣгалъ сначала по городу, а потомъ явился въ зданіе полиціи и просилъ выдать ему разрѣшеніе ѣхать въ Россію: „хочу, чтобы русская интеллигенція“, пояснялъ онъ полицейскимъ, „сошла съ ума отъ моей одежды и объявила меня президентомъ“. Полицейскіе, конечно, предложили ему подождать въ сосѣдней комнатѣ, и безумному не пришлось уѣхать въ Россію. Интересно то, что этотъ фактъ остался для Павла невыясненнымъ; или не все больницы сгорѣли, думалъ онъ, или полиція не надѣется на русскую интеллигенцію.

4.

На третій день Павелъ почувствовалъ себя очень усталымъ. Онъ жилъ за городомъ на дачѣ и большую часть времени проводилъ на деревенскомъ кладбищѣ въ лѣсу. На могилахъ было много фіалокъ; запахъ фіалокъ будилъ въ немъ воспоминанія о чьихъ-то умершихъ увлеченіяхъ

которыя давали ему трагическія настроенія. Проведя всю жизнь въ преодолѣніи страданій, онъ свыкся съ ними настолько, что въ, тѣ мгновенія, когда отсутствіе какихъ-бы то ни было желаній приводило его въ состояніе равновѣсія, онъ самъ создавалъ себѣ трагическія настроенія, внося въ душу свою человѣческія желанія и мученія, сопутствующія имъ. Я хочу сказать, что на могилахъ сидѣлъ Павелъ въ маскѣ, воскрешая умершихъ силой своей воли, и, гуляя по кладбищу, чувствовалъ, что онъ — тѣнь мертвыхъ, его самого нѣтъ, а есть воскресшіе погребенные. „Лучше перевоплощаться въ мертвыхъ, давая имъ снова жить, чѣмъ быть живой тѣнью „великихъ“ идей на потѣху живымъ“ говорилъ онъ. На одной гробницѣ висѣли горшки орхидей, едва уловимый, нѣжный запахъ цвѣтовъ ихъ онъ вдохнулъ въ себя и почувствовалъ въ себѣ пляску любви и смерти. А предъ закатомъ солнца, свѣта котораго, какъ тѣнь мертвыхъ, не видѣлъ, чернѣли кипарисы въ вершинахъ и въ тревогѣ тихо шумѣли о чемъ-то. Павелъ подошелъ къ могилѣ подъ кипарисами и прочелъ надпись о самоубицѣ, покончившемъ расчеты съ жизнью въ 19 лѣтъ, но воскресить его не удалось; при его попыткахъ кипарисы глухо о чемъ-то роптали, до его слуха долетали отрывки фразъ: ты бѣднѣе его... не видишь солнца... хочешь воскресить, чтобъ омрачить прекрасный сонъ самоубицы.

Шумъ въ вершинахъ кипарисовъ пробудилъ въ Павлѣ его самого, съ бѣшеннымъ гнѣвомъ покинулъ Павелъ кладбище, воскресившее его тѣнь. „Я вновь не слышу и не говорю и ничего не желаю“, крикнулъ онъ кипарисамъ. И въ тотъ вечеръ уѣхалъ на сѣверъ въ свою лѣсную хижину. Жители деревень по воскресеньямъ опять

стали приходиться къ хижинѣ „нѣмого“ на бесѣду.

„Гдѣ былъ“, спросили они.

— „Просилъ Его отпустить“, показалъ Павелъ знаками вверхъ: „но Онъ упорствуетъ, а я не могу уступить, и плясалъ

тамъ далеко въ огнѣ Скоро уйду совѣмь. Приближается время, когда я войду въ храмъ свой для встрѣчи солнца, чтобы умереть въ его божественныхъ лучахъ“...

(Окончаніе: Видѣние второе—будетъ).

Silentium.

ЖИЗНЬ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ.

Петроградъ (Политехникумъ).

2-го февраля 1915 года въ Засѣданіи Комитета помощи жертвамъ войны при Петроградскомъ Институтѣ Императора Петра Великаго председатель Черниговскаго Землячества А. Тупатилловъ сдѣлалъ заявленіе о томъ, что Черниговское Землячество постановило внести свои суммы въ Кассу Взаимопомощи вышеупомянутаго Института въ цѣляхъ оказанія дѣятельности Землячества и на началахъ большей помощи товарищамъ. Подробный проектъ общей работы съ Кассой (мы бы назвали начала слиянія съ Кассой, т. е. большей цѣнности у Землячества нѣтъ) будетъ въ самомъ непродолжительномъ времени разосланъ въ остальные Землячества для выясненія такого новаго начала жизни экономическихъ организацій. Детали намъ неизвѣстны. Они будутъ получены позднѣе, когда очевиднымъ станетъ отношеніе другихъ Землячествъ къ проекту Черниговскаго. Отрадно слышать подобныя вещи. Они говорятъ намъ о томъ, что Землячества признають формы своего настоящаго положенія устарѣвшими, что Землячества думаютъ пойти по новымъ путямъ, доселѣ невиданнымъ. Въ прошломъ году на страницахъ „Сѣвернаго Гусляра“ поднимался вопросъ объ экономическихъ организаціяхъ; положенія „Студента“ и мой изъ „Отвѣта“ весьма близки къ рѣшенію Черниговскаго Землячества. Быть можетъ наши идеи и легли въ основу перерожденія; судя по времени появленія нашихъ статей и заявленіемъ А. Тупатилова можно предположить такую связь. Но какъ бы тамъ ни было, а видно практическое осуществленіе видны не только идеи, а и реализація идей. Вотъ что важно; вотъ что особенно пріятно намъ, затронувшимъ основной вопросъ жизни студенческихъ организацій. О несомнѣнной опытности и энергіи А. Тупатилова говорить не приходится. Я знаю этого энергичнаго и настойчиваго въ достиженіи поставленныхъ цѣлей чловека. Покажетъ свое, какъ практическое осуществленіе положеній нашихъ „студента“ и

моихъ, онъ проведетъ; но, думается, что проектъ его можетъ вызвать упорныя противодѣйствія землячествъ, продолжающихъ свой „сонъ“. И потому радуясь началу дѣла, намъ остается пожелать А. Тупатиллову энергичной работы въ осуществимости положеній, не смотря на всѣ препятствія, которыя появятся въ лицѣ другихъ Землячествъ Политехнич. Института.

Нелли.

Москва.

Къ вопросу о борьбѣ съ дороговизною комнатъ.

Комнаты въ Москвѣ дорожаютъ съ каждымъ годомъ.

Даже война и сравнительно небольшой спросъ этого года не могли остановить безновечно повышающихся цѣнъ.

Если принять во вниманіе то обстоятельство, что въ Москвѣ комнаты на 50% дороже, чѣмъ въ Петроградѣ, то для каждого будетъ ясно, что здѣсь не обходится безъ злоупотребленій.

Московскіе домовладельцы хорошо знаютъ, что среди улицы жить невозможно, —эти имъ пользуются.

Такъ было, такъ и будетъ до тѣхъ поръ, пока тѣ, на комъ это болѣе всего отражается не примутъ серьезныхъ мѣръ для борьбы съ этой неурегулированностью.

Лучшей мѣрою борьбы, по моему, въ данномъ случаѣ можетъ быть уже неоднократно возникавшая идея—основанія „студенческаго общества дешевыхъ квартиръ“. Это общество являясь организаціей всѣхъ иногороднихъ студентовъ, должно взять на себя задачу осуществленія идеи кооперативныхъ комнатъ, а также выработку мѣръ борьбы съ дороговизною квартиръ.

Подробно объ этихъ мѣрахъ поговоримъ въ следующей разѣ, а пока пожелаемъ скорѣйшаго осуществленія идеи этого общества: Оно необходимо

Метеоръ.

Отвѣтств. редакт.-издатель студентъ *Александръ Васильевъ.*

2-ой годъ изданія.

2-ой годъ изданія.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1915 ГОДЪ

на еженедѣльный литературно-художественный и научный журналъ
молодой надпартийной интеллигенціи

„СЪВЕРНЫЙ ГУСЛЯРЬ“,

издаваемый студенчествомъ, чистая прибыль отъ продажи котораго
идеть на помощь семьямъ павшихъ въ бою воиновъ,

Цѣли и задачи журнала. Зародившись въ тяжелую эпоху общественнаго перелома, — журналъ „Съверный Гусляръ“, какъ органъ выступающей въ жизнь молодой надпартийной интеллигенціи, переросшей узкія рамки партийности и кружковщины съ ихъ односторонними жизненными принципами, имѣетъ своей цѣлью:

- 1) объединить ищущихъ, задыхающихся подъ балластомъ программныхъ предписаній, стремящихся къ новой жизни, но еще не успѣвшихъ освободиться отъ обаянія прежнихъ фетишей;
- 2) способствовать всегороннему раскрытію личности;
- 3) выявленію самобытности въ литературѣ;
- 4) отыскать пути къ новому лучшему будущему за гранью перелома;
- 5) дать возможность на почвѣ трудовой коопераціи заработать немущимъ учащимся.

Поставивъ себѣ цѣлью объединеніе молодой надпартийной интеллигенціи, редакція не могла въ тоже время не откликнуться и на насущнѣйшіе вопросы дня, а поэтому ближайшей задачей явилось отчисленіе въ пользу семей павшихъ въ бою воиновъ всей чистой прибыли отъ продажи журнала „Съверный Гусляръ“. Но подобная мѣра временная и, по минованіи въ ней надобности, чистый доходъ отъ журнала будетъ поступать въ фондъ студенческой организаціи во главѣ съ редакціей „Съверный Гусляръ“. Эта организація, проектъ устава которой разрабатывается, имѣетъ цѣлью: устройство лекцій, экскурсій, помощь духовную и матеріальную

Въ текущемъ 1915 году годовые подписчики получаютъ 52 номера журнала, заключающаго въ себѣ слѣдующіе отдѣлы: руководящія статьи, социально-философскій, литературно-художественный, критика и библиографія, жизнь школъ.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой на годъ—5 р. 6 мѣс.—2 р. 50 к. 3 мѣс.—1 р. 25 к. За границу на годъ—8 р. на 1/2 года 4 руб. Допускается коллективная подписка по 42 к. ежемѣсячно. Лицо, собравшее коллективную

подписку не менѣе 20 человекъ, получаетъ съ общей подписной суммы, или 5% скидки, или бесплатно журналъ. За подробностями коллективной подписки просятъ обращаться въ редакцію.

Цѣна объявленій: На 2, 3 и 4-й стр. обложки, 1 стр.—40 р., 1/2 стр.—20 р. 1/4—10 р. строка петита 30 к. Позади текста: 1 стр.—25 р. 1/2 стр.—15 р. 1/4 стр.—8 р.; строка петита—20 коп.; годовымъ, скидка по соглашенію.

При всякомъ сношеніи съ редакціей необходимо прикладывать на отвѣтъ марку. Въ противномъ случаѣ отвѣтъ для редакціи необязателенъ.

Подписка принимается въ главной конторѣ: Петроградъ, Б. Зеленина д. 8. кв. 20, а также въ книжныхъ магазинахъ: Попова—Невскій 66. „Жизнь“ Петр. ст. Б. прос. д. 3, „Новый путь“ Петр. ст. Б. пр. д. 1, книжный магазинъ „Учитель“ Больш. пр. (Петр. стор.) д. 4, книжный маг. Бас. Остр. Больш. пр. д. 2/18. Вольфа—Невскій 13, „Новое время“ Невскій 40, Карбасникова—Гост. Дворъ 19 и въ отдѣл. конторы при типогр. Литейный пр. 33.

Пробный № высылается за 2 семикопѣечныя марки.

Отвѣт. Ред. Изд. студентъ **А. Васильевъ.**

Съ 15 февраля 1915 года въ Москвѣ открывается отдѣленіе конторы и редакціи журнала „Сѣверный Гусярь“. Т.т., желающихъ принимать участіе въ нашемъ журналѣ просимъ направлять весь матеріалъ по адресу: **Москва, Фурманнй переул. д. 24, кв. 18. Д. Д. Зеленскому.**

Просимъ сочувствующихъ намъ присылать въ редакцію—рукописи, рассказы, стихи, статьи на разныя темы, хроникѣ высшей школы, иллюстраціи и проч.

Рукописи должны быть написаны на одной сторонѣ листа, и по возможности четко,—подписаны и снабжены адресомъ, безъ чего печататься не будутъ. Безъ обозначенія гонорара рукописи считаются безплатными.

О принятыхъ для напечатанія редакція сообщаетъ письменно. Возвращеніе непринятыхъ рукописей для редакціи необязательно.

Редакція проситъ нуждающихся т. т.—студентовъ и нурсистокъ вступать въ число продавцовъ журнала. Объ условіяхъ справиться въ редакціи отъ 5—9 ч. вечера.

МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ

Условия подписки на 1915 годъ. Съ доставкой и пересылкой на 12 м. въ Россіи 10 р. за границу 20 р. 11 м. 9 р. 50 к.—19 р. 10 м. 9 р.—17 р. 50 к., 9 м. 8 р. 50 к.—16 р., 8 м. 7 р. 50 к.—14 р. 50 к., 7 м. 6 р. 50 к.—13 р., 6 м. 5 р. 50 к.—11 р. 50 к., 5 м. 5 р.—10 р., 4 м. 4 р.—8 р. 3 м. 3 р.—6 р., 2 м. 2 р.—4 р., 1 м. 1 р.—2 р. Подписка считается съ 1-го числа каждаго мѣсяца. При подпискѣ слѣдуетъ точно указать, съ какаго мѣсяца высылать газету. Газета выходитъ ежедневно, кромѣ дней послѣ воскресеній и двадцатыхъ праздниковъ. Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка платежа: для служащихъ по третямъ, чрезъ ихъ казначеевъ, для частныхъ лицъ: 5 руб. при подпискѣ, 3 руб. къ 1 мая и 2 р. къ 1 сентября. Не внесшимъ въ срокъ денегъ высылка газеты прекращается. О желаніи разсрочки платежа должно быть заявлено при высылкѣ перваго взноса. При высылкѣ денегъ почтовыми переводами должно указать на самомъ переводѣ (а не отдѣльнымъ письмомъ), на что присланы деньги. Народныя школы, недостаточные крестьяне, православное духовенство девяти западныхъ, Привислинскихъ, Балтійскихъ и Финляндскихъ губерній и сельское духовенство остальной Россіи платятъ за годъ 8 руб., за полгода 4 руб. 50 коп. За перемѣну адреса взимается каждый разъ 40 коп. Подписка принимается: въ конторѣ Редакціи Москва, Тверская, Пименовскій пер., д. Молчанова, кв. 23), въ Петроградѣ—въ конторѣ Торговаго Дома Л. и Э. Метцль и К^о, Морская, 11, во всѣхъ книжныхъ магазинахъ; въ Парижѣ—Agence Navas, Place de la Bourse. Розничная продажа №№ Московскихъ Вѣдомостей въ Петроградѣ производится: на вокзалахъ Николаевской, Варшавской и Царскосельской жел. дор. Стоимость отдѣльныхъ №№ Моск. Вѣд. 5 коп. Редакторъ издатель *Б. В. Назаревскій.*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1915 г.

на ежедневную политическую и общественно-литературную газету

„Рязанскіи Вѣстникъ“

ХІІІ-й годъ изданія.

Направленіе газеты прогрессивное.

Редакція ставитъ своей задачей ознакомленіе читателей со всѣми выдающимися событіями и проявленіями общественной жизни какъ въ Россіи, такъ и за границей и въ особенности возможно широкое освѣщеніе мѣстной жизни. Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой на годъ—5 р. 5 к., 1/2 года—3 р. 5 к., на 3 мѣс.—1 р. 85 к., на 1 м.—70 к. Для облегченія взноса подписной платы для годовыхъ подписчиковъ можетъ быть допущена разсрочка: при подпискѣ 3 р., и къ 1 мая 2 р. Лицамъ, не внесшимъ къ 1 мая означенной суммы, высылка газеты будетъ прекращена. Плата за объявленія впереди текста 20 коп. со строки петица, или за мѣсто занимаемое ею, сзади текста—10 коп., среди текста—30 к. При многократномъ печатаніи дѣлается значит. скидка. Разсылка при газетѣ отдѣльныхъ объявленій, пр.-кур. и т. п. вѣсомъ не болѣе 1 лота, по 5 р. за 1000 экземпляровъ. Адресъ редакціи, конторы и собственой типографіи: г. Рязань, Липецкая ул. д. Гавриловой

Редакторъ-издатель *В. Н. Розановъ.*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1915 ГОДЪ НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНИКЪ

„Дѣловая Россія“.

Органъ защиты отечественной промышленности и торговли, народнаго труда и хозяйства
Выходитъ при ближайшемъ участіи **В. И. КОВАЛЕВСКАГО** и **Н. А. МУРОМЦЕВА.**

Въ числѣ сотрудниковъ „ДѢЛОВОЙ РОССИИ“: В. Борисовъ, членъ Гос. Думы Вершининъ, П. В. Васильевъ, членъ Гос. Думы С. В. Востротинъ, Ф. П. Доброходскій, А. А. Евдокимовъ, Н. Ф. Езерскій, А. К. Жаба, И. И. Зегъ, М. Юксимовичъ, членъ Гос. Думы М. А. Карауловъ, В. И. Ковалевскій, М. П. Кубанскій, проф. Т. В. Локоть, А. Ф. Макаровъ, А. П. Мертваго, А. Михайловъ, Н. А. Муромцевъ, А. А. Никитскій, членъ Гос. Совѣта проф. И. Х. Озеровъ, Л. Л. Орлякинъ, Н. В. Дризень, членъ Гос. Думы Савватъевъ, проф. В. В. Свѣтловскій, проф. М. А. Сириновъ, П. И. Соколовъ, проф. В. Ф. Тогоманецъ, В. П. Тянь-Шаньскій, М. М. Федоровъ, Г. Г. Фейгинъ, финансистъ В. М. Широкогоровъ, В. Шимановскій, Б. Ф. Шлецеръ, Ф. А. Щербина, И. П. Ямпольскій и др.

Редакція и контора: Петроградъ, Бас. Остр., 15 линия, 70. Телефонъ № 660-57.
Подписная цѣна: на годъ—6 руб., на полгода—3 руб., отдѣльный №—20 коп.
Такса объявленій: за строчку непар. впереди текста—1 р., позади текста—50 к.
Повторныя объявленія—по соглашенію.

Издательство „ДѢЛОВОЙ РОССИИ“
въ лицѣ **Н. А. Муромцева.**

Редакторъ **П. В. Васильевъ.**

Для удобства публики журналъ продается у газетчиковъ.